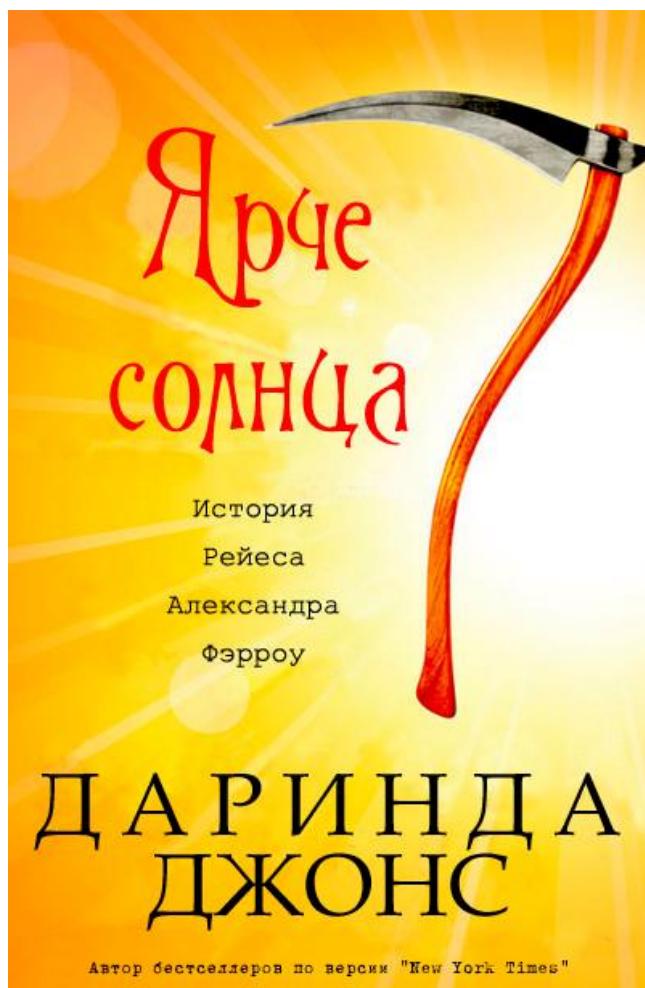

Даринда Джонс

Серия о Чарли Дэвидсон, книга 8,5

Ярче солнца

Перевод – Euphony.
Редактирование – RuSa.

Всю жизнь Рейес Александр Фэрроу страдал от нечеловеческих пыток, и лишь одно дарило ему надежду. Женщина, излучавшая свет. Ни одному смертному не дано было увидеть этот свет, зато на него слетались призраки...

«Ярче солнца» показывает уже знакомую нам историю глазами Рейеса. Здесь мы увидим их первую встречу и узнаем, почему непростые отношения между ними могут либо спасти Рейеса, либо обречь на гибель.

Благодарности

Эту повесть ждали не один год, и лишь благодаря целой куче людей она все-таки увидела свет. Среди них (в произвольном порядке) Дженнифер, Александра, Кейтлин, Хиллари, Элиани, Лорелея, все-все-все из «Macmillan» и «St. Martin's Press», Кит, Селеста, Джованна, Dana, народ из сети, Дэнни, Джерден, Кейси и, конечно же, Гримлеты. Спасибо вам за мозговые штурмы, за то, что успокаиваете мне нервы, за заботу и готовность в любой момент поддержать самые сумасшедшие идеи.

И невероятное спасибо всем, кто хотел увидеть эту историю глазами Рейеса.

Александре

Спасибо.

Спасибо.

Спасибо.

Глава 1

Я валяюсь в углу подвала. Дрожу, как мелкая мразь, и зализываю раны после последнего раза. За дверью плачет сестра. Хочется сказать ей, что все в порядке, но в глазах темнеет, и вдалеке брезжит манящий свет. Я теряю сознание и лечу к нему. Невесомый, как эфир.

Я всегда иду к этому свету.

Не в буквальном смысле. В подвале меня запер психопат, поэтому на улицу я выхожу редко. Но мысленно время от времени отправляюсь навстречу свету.

Наверное, стоит упомянуть, что мне двенадцать, а условия моего существования никак нельзя назвать нормальными. Со мной происходят ненормальные вещи, в голове толпятся ненормальные мысли. И свет, к которому я лечу в поисках тепла и прощения за все свои... отклонения, такой же неправильный, как и я сам.

Впервые я вижу его в три года. Обстоятельства почти те же. Я иду за светом. Закрываю глаза, делаю глубокий вдох и лечу к маленькой искре, от которой пекут веки. Чем ближе я подбираюсь, тем ярче становится свет. Начинает казаться, что зрение навсегда исчезло, и вдруг...

...появляется она.

Крошечное создание едва виднеется между ног какой-то тети. Поначалу я не знаю, что и думать. Уверен только, что не должен заглядывать тетям между ног. Но эта тетя умирает, так что, наверное, все в порядке. Да и не стал бы я смотреть на нее по-плохому. В голове у меня не всегда все работает, как надо, но никогда не было желания смотреть на тетя по-плохому.

В общем, я смотрю, а она, эта тетя, дрожит. Не так, будто ей холодно, а сильно, как будто происходит что-то нехорошее. Голова запрокинута, тело напряжено. Медсестры крепко ее держат, а дядя доктор тянет свет. Тянет ту светящуюся штуку. То крошечное создание, которое сидело у тети в животе. И внезапно я все понимаю.

Не про свет, а про то, откуда берутся дети.

Начинаю нервничать, но больше нервничаю из-за тети. Одна из причин, почему у меня в голове что-то работает неправильно, – я чувствую то, что чувствуют другие. Всегда чувствовал. С тех пор как был маленьким. В смысле совсем маленьким. Я чувствую, когда люди злятся, психуют или когда у них что-то болит. Так и понимаю, когда надо держаться подальше от Эрла. Когда надо бежать и прятаться. Не всегда срабатывает, но, черт возьми, попытка того стоит.

Короче говоря, сейчас я чувствую, что тете больно. И мне больно. Я бы ушел, если бы не свет. Пытаюсь отдохнуть, только бы побывать здесь еще немного. Рядом со светом.

Рядом с ней. Она уже родилась. Вся мокрая, ревет по-детски и излучает такой яркий свет, что больно смотреть. Но я... зачарован. Потом прекращается боль, и я опять могу нормально дышать. Тетя больше не двигается. В комнате пищит монотонный звук. Вокруг тети и ребенка собираются люди. Все, кроме какого-то дяди, который держит тетю за руку. Он согнулся пополам, у него трясутся плечи. До меня доходит, что люди вокруг ребенка (по крайней мере большинство из них) мертвые. Они пришли из прошлого, чтобы посмотреть на свет. Они – призраки. Мертвецы.

Лица у них взволнованные и удивленные, но из-за мертвых я ничего не вижу. Поэтому расталкиваю их и подхожу ближе. Она вопит, как воят все дети. А потом видит ту тетю. Свою мать. Женщина смотрит на нее, стоя рядом с врачом. Никогда в жизни не видел, какое лицо может быть у мамы. Наверное, это и есть любовь. Потому что выражение лица у тети ласковое и заботливое.

Я радуюсь за ребенка, но в то же время мне грустно. Мама прикасается к ее лицу, просит быть сильной. Сильнее, чем была она сама. Потом целует поникшую голову дяди. Я и не знал, что призраки умеют плакать. А через миг происходит невозможное. Тетя делает шаг прямо в свет и исчезает.

У меня на глазах ребенок замирает, потом делает глубокий вдох и опять начинает ворчать. Неужели плачет по маме? Доктор перерезает какую-то длинную штуку, которая идет к пупку ребенка, но ей не больно. Я бы почувствовал.

Другой врач пытается оживить мать. Ему помогают несколько медсестер. Они не знают, что тетя уже ушла. Перешла на другую сторону. А оттуда не возвращаются.

Это вторая смерть, которую я видел. Первым был какой-то мужик. Еще до того, как я достаточно вырос, чтобы мочиться в унитаз. Мужик поругался с Сэром. Была у Эрла мания заставлять меня называть его Сэр. До сих пор иногда заставляет. Правда, без толку.

Не знаю, из-за чего была ссора, но, когда мужик отчаливал на небеса, вокруг него распахнулся свет, и мужик исчез. Ребенок прямо как тот свет. Может, она его проглотила? Не стоит забывать, что мне тогда всего три. Вопросов у меня миллионы, и почти все о всяком странном деръме. Короче говоря, она особенная. В этом я ни капли не сомневаюсь.

Она перестает реветь и смотрит на меня (прямо на меня!) огромными от любопытства глазами. Они сияют, как бриллиантовые кольца, и в них я вижу тысячи картин. Звезды и бесконечные ленты света. Мерцающие золотые реки и фиолетовые деревья. Я понимаю, что она оттуда. Из места, которое я временами вижу. Кто-то послал ее сюда, и сейчас она показывает мне свою галактику. Свою вселенную. Понятия не имею откуда, но я знаю, кто она такая. Искательница. Та, которая ищет потерянные души.

В мыслях возникает слово. На иностранном языке. Может быть, на арамейском. Что-то вроде Д'АэШ. Нет, не так. Д'МэЭш? Тоже не то. В общем, слово звучит в голове, но произнести его правильно я не могу. Поэтому, когда говорю ей, кто она такая, получается «Датч». Я знаю много слов на разных языках, которые пока не могу нормально выговорить. Эрл бесится, когда я об этом упоминаю. Называет меня вруном, но я не вру.

А впрочем, наплевать. Пока сойдет и Датч.

Кажется, ей нравится, как я ее назвал. Но, глядя на меня, она боится. Совсем чуть-чуть. Поэтому я прячусь. Сначала на ум приходит плащ, как у Супермена. Я тут же отбрасываю эту мысль. Слишком яркий. Слишком заметный. Представляю себе другой плащ, как у рыцаря из комиксов. Плотный, черный, с капюшоном. Стоило подумать, и он появляется, как большое черное море, и оседает у меня на плечах. В мечтах это самая классная штука.

Врач говорит «Пора объявлять» и смотрит на часы. Медсестры вытирают девочку, Датч, и уносят в комнату к другим детям. Там она остается на три дня. Дядя приходит и уходит. Надолго не задерживается. Но все в порядке. Мы ее охраняем. Я и призраки.

Они ей, кстати, нравятся. Я это чувствую. Даже тот, у которого на виске здоровенная дырка. Но, когда подхожу ближе я, она вздрагивает, поэтому опять приходится «вызывать» плащ и присматривать за ней из угла на потолке. Я никуда не ухожу, пока дядя не забирает

От его печали у меня болит в груди. Тяжело дышать. Дядя шепчет девочке на ухо. Что-то о том, что теперь они остались втроем, и я вспоминаю, что у него есть еще одна дочь. Он говорил об этом медсестре, когда смотрел на Датч. Когда впервые держал ее в руках. Когда глотал из бутылки. Когда плакал, плакал и снова плакал. Помню, как удивлялся, почему никто ему не сказал, что мальчики не плачут.

Датч забирают к семье. К тому, что осталось от семьи. Я просыпаюсь. Сон заканчивается. Точнее заканчивается мечта о девочке из чистого света. Раз уж это была мечта, а не сон, я, наверное, мог бы контролировать события. Надо было хотя бы попытаться. Если бы я вовремя об этом подумал, то сделал бы так, чтобы тетя была жива и осталась рядом со своей дочкой. Если бы я вовремя подумал...

Глава 2

В себя я прихожу уже не в подвале. В голове туман, перед глазами плывет. Не сразу удается понять, что я в больнице. Приходит медсестра, проверяет капельницу и говорит, что у меня был приступ.

Ладно, пусть так. Но все равно не понимаю. Приступы у меня были всегда. С трех лет. С тех пор как я впервые увидел свет Датч. Так почему я в больнице? Я никогда не лежал в больницах. Даже у врача ни разу не был. На мне длинная голубая сорочка, руки перевязаны. В одной торчит игла капельницы. Другая забинтована от локтя до запястья.

Рядом сидит Эрл. В воздухе, как слезоточивый газ, витает запах дешевого одеколона. Эрл в бешенстве, и его ярость колет мне кожу раскаленными иголками. Но все это внутри. Снаружи он улыбается. А его улыбка – вещь опасная. Он флиртует с медсестрой. Та смеется и опускает голову. Эрл гладит меня по руке шершавыми ладонями и называет Александром. Стискивает пальцы, как будто я, мать его, не знаю, что значит «Александр».

Глаза в пол. Рот на замок.

Первая осознанная мысль о сестре. На самом деле Ким мне не сестра, но однозначно лучшее, что есть в моей жизни. Точнее, кроме нее, у меня вообще ничего нет. И Эрл это знает.

- Ты сильно поранился, - говорит медсестра.

Я молчу. Только киваю.

- Меня зовут Джиллиан. – Она проверяет бинты и вдруг удивленно выпрямляется. – Господи! Почти зажило. Как это может... - Не договорив, она берет себя в руки и изображает спокойствие. – Поразительно. Держу пари, скоро тебя отпустят домой.

Я опять киваю и вздрагиваю, ощущив, как тянется ко мне ее сердце. Она хочет ребенка. Мальчика вроде меня. Милого, воспитанного, вежливого. Она понятия не имеет, какой я на самом деле. Грязный. Плохой. Отвратительный. Мне ее жаль.

- Готов вернуться домой, боец? – спрашивает Эрл и ерошит мне волосы.

Ерошит, блин, волосы! Как будто мне два года. Внутри разгорается жар. Обжигает кожу. Я стискиваю зубы и киваю, как послушный мелкий сучонок. Потому что я и есть послушный мелкий сучонок. Эрл так говорит. Мелкий сучонок. А я не возражаю.

Джиллиан смеется и смотрит на меня. Ее глаза сияют. Я отворачиваюсь. Пусть побережет такие взгляды для того, кто их заслуживает.

- К сожалению, придется, наверное, полежать еще пару дней, - говорит она. – Мы так и не выяснили, что вызывает приступы. Но обещаю: глазом моргнуть не успеешь, как окажешься дома.

Гнев Эрла возрастает на порядок.

- На тебе интересные отметинки, - продолжает Джиллиан.

Ей хочется посмотреть. Еще раз их увидеть. Изучить подробнее.

Я молчу. Не хочу ее подбадривать. Эрлу не нравится, когда люди замечают мои родимые пятна. Извивающиеся линии покрывают плечи и спину. В детстве они были совсем

бледные, едва заметные. Но со временем становятся темнее. Недавно эти линии начали мне сниться. Как будто они что-то значат. Куда-то ведут. Может быть, во тьму.

- Таким уродился, - кивает Эрл, как будто знает наверняка.

- Ну что ж, пойду, скажу доктору, что он очнулся. – Улыбка Джиллиан невинная, как луч солнца на цветке.

Пока медсестра что-то пишет в истории болезни, в палату заходит мужик. Санитар. Забирает мусор, протирает поверхности в туалете и постоянно косится на Джиллиан. Я смотрю на него тяжелым взглядом. Потом смотрю на Джиллиан. И опять на него.

Его зовут Дональд. У него жирные каштановые волосы и толстенные очки. И через какое-то время он зарежет Джиллиан. Он хочет пригласить ее на свидание, потому что она хорошо к нему относится. К нему никто хорошо не относится. Она предложит ему остаться друзьями, и он взбесится. Назовет ее динамщицей. Шлюхой. Он долго ждал. Долго надеялся. Раз он не может ее получить, то никто не получит.

Я закрываю глаза. Безуспешно пытаюсь выбросить из головы разворачивающуюся перед мысленным взором сцену. А вижу я все это только потому, что в итоге Дональд отправится в ад. Я всегда вижу то, что ставит на людях адское клеймо. Знаю, какой именно страшный поступок станет отправной точкой, которая навсегда решит их судьбу. Мне известны имена всех, кого ожидает ад. С первой же встречи я понимаю, попадет человек туда или нет. Даже если он пока не согрешил.

Ад не самое приятное место на свете. Его я тоже не раз видел во сне. Точнее в кошмарах. По большей части кошмары мне снятся об Эрле. О его руках, ногтях и зубах. Но иногда мне снится ад. Пламя, пытки и солдаты. Армия дьявола. Во сне я как будто выше их. Смотрю, как они идут строем. Вступают в битвы. Я командую этой армией, как будто так было всегда. А это плохо. Есть только одно объяснение тому, почему мне снятся такие сны. Я плохой. Злой. Потому что только злой человек может знать, что происходит в аду.

Хочется предупредить Джиллиан о Дональде, но я не могу, когда рядом торчит Эрл. К тому же она все равно мне не поверит.

Когда она сказала Эрлу, что я пролежу в больнице несколько дней, он разозлился еще сильнее. Значит, меня опять ждут неприятности. Но ничего. Я до сих пор чувствую свет. Он проникает сквозь корку. Сквозь внешнюю оболочку. И оседает глубоко внутри меня. Этого Эрлу не отнять. Хочу еще немного помечтать о Датч, но, как только медсестра уходит, Эрл выдергивает капельницу, бросает мне шмотки и велит одеваться. Молча. Иначе я знаю, что меня ждет.

Да, черт возьми. Знаю.

Глава 3

После больницы какое-то время свет я не вижу. Несколько дней сижу в подвале. Все как в тумане. Ким рядом. Я слышу, как она ходит за дверью.

Горло болит – Эрл меня душил. Обычно это не в его духе. Видимо, хотел показать, как сильно разозлился. Причем даже не на меня. Он в бешенстве, потому что девушка, с которой он встречался, нашла меня в подвале. Собственно, так я и попал в больницу. Эрл ушел за пивом, а она спустилась в подвал. Думала найти там стиральную машину, чтобы постирать ему шмотье. Хотела сделать сюрприз. Видимо, Ким была в душе, иначе бы объяснила ей, что со мной все в порядке. Поскольку я был без сознания, барышня решила, что я упал, и вызвала скорую до того, как вернулся Эрл. Думаю, ему пришлось с этим смириться, но он стал злее, чем когда бы то ни было.

Иногда я раздумываю, зачем он заводит подружек. Они ему даже не нравятся. Эрл притворяется. Говорит им то, что они хотят услышать. Но надолго они не задерживаются. Быстро ему надоедают. Эта последняя совершила огромную ошибку. Больше я никогда ее не видел, а она была ничего. Не курила, пахла мяты и готовила мне спагетти.

Я лежу на бетонном полу и думаю о Датч. О девочке, созданной из света. О людях,

которые ее окружают и ведут себя совсем не так, как можно было ожидать.

Датч примерно год, когда отец приводит в дом подружку. Мне она не нравится. Слишком похожа на Эрла. К отцу Датч эта женщина испытывает какие-то чувства, к ее сестре – тоже, но как-то странно смотрит на саму Датч. Когда рядом отец, она рассыпается в охах и ахах, но наедине с Датч... Что-то не так. Я чувствую презрение. Зависть. Зачем взрослой женщине завидовать ребенку?

Не понимаю людей. Они улыбаются, когда злятся. Обнимают тех, кого ненавидят. Крадут у тех, кого искренне любят. И завидуют маленьким детям.

Глаза Датч сияют, а свет яркий, как никогда. Мертвая женщина делает вид, будто хочет съесть пальчики у нее на ногах, и Датч заливисто смеется. Отец тоже смеется, а его подружку это злит. В тот самый момент я понимаю, что собой представляет эта женщина. Проблему.

Глава 4

Я умирал сотни раз, но все еще жив. Благодаря ей. Ее свету. Ее улыбке. Умирая, я всегда лечу к ней и нахожу спасение. Исцеление. Свет впитывается в меня, переливается внутри. Чинит поломки. Делаet то, что не по зубам королевской коннице и королевской рати.

Иногда я благодарен. Иногда нет. Потому что знаю: так будет происходить снова и снова, но когда-нибудь придется положить этому конец. Когда-нибудь мне нужно будет умереть и не воскреснуть. Но она постоянно меня спасает, хочу я того или нет.

В этот раз все так же. Я у нее дома, пришел на свет. Датч пробегает мимо по коридору и резко разворачивается, как будто я застал ее врасплох. На ней сарафан и босоножки. Волосы стянуты в высокий хвост.

Я остаюсь в тени. Я всегда прихожу в плаще, с капюшоном на голове, и стараюсь держаться в стороне. Но сейчас Датч с огромными золотистыми глазами по-прежнему стоит на месте. Красивые губы приоткрыты. Ей девять, хотя можно дать и все тридцать. Дерзкая, яркая, с тоннами загадок и секретов. Она так и лучится жизнью. Датч – моя полная противоположность. К этому моменту я уже понимаю, почему говорят, что противоположности притягиваются.

Губы у нее пухлые и розовые, щеки теплые. Если бы она меня не боялась, я бы попытался украдь поцелуй. Но Датч в ужасе, и я понимаю, что это было бы неправильно. Так мог бы поступить Эрл. От одной только мысли передергивает.

В коридоре появляется женщина-проблема, она же мачеха, и хватает Датч за руку. Они куда-то опаздывают, и «маленькой леди» грозят неприятности. Почему на ней этот сарафан? Ей же говорили его не надевать. На улице холодно. Значит, пусть померзнет. Может, хоть чему-то научится.

От слов женщины внутри меня закипает гнев, и глаза у Датч распахиваются все шире и шире. Женщина тоже смотрит на меня, но видит только стену, к которой я прижимаюсь спиной. В моих мечтах меня видит только Датч, больше никто.

Теперь они женаты. Отец Датч и женщина-проблема. Поначалу Датч радуется. Не понимаю почему. Этой тетке она никогда не нравилась. А ведь Датч как я. Чувствует безразличие и презрение. Но не понимает, откуда у мачехи такая неприязнь. Датч не видит того, что вижу я. Некоторые люди сами по себе плохие.

Так и не поняв, на что смотрит Датч, женщина разворачивает ее к себе лицом.

- Ты должна это прекратить. Я не шучу.

Острые ногти впиваются в нежную кожу Датч, и мои легкие отказывают. Меня трясет. Я рычу. И страшно хочу убить эту тетку. Врезать ей по роже.

- Я не стану с этим мириться, Шарлотта. Там никого нет, и ты, черт побери, прекрасно это знаешь.

Но Датч по-прежнему смотрит на меня, и женщина сильно толкает ее по коридору к

выходу.

Меня пожирает гнев. Он растет, раздувается, пока вокруг не начинают дрожать стены. Я сшибаю с журнального столика вазу, и женщина оглядывается. Смотрит прямо на меня. Хмурится, и ее брови превращаются в одну уродливую линию. Она стискивает зубы, резко отворачивается и выходит за дверь.

Глава 5

Когда я возвращаюсь, Эрл уже закончил. Я заползаю в шкаф и несколько дней прячусь. Ким прячется вместе со мной. У нее длинные рыжие волосы и бледная кожа с россыпью веснушек на носу. Она приносит воду и вытирает все, что может вытереть. Потом готовит мне суп, и мы разговариваем о том, что будем делать, когда вырастем.

Ким – самый робкий и мягкий человек из всех, кого я знаю. Когда она говорит, что хочет стать летчиком-истребителем, я смеюсь до боли в животе. Живот и так болит, поэтому смеюсь недолго. Хотел бы я, чтобы она была моей родной сестрой. Хотя тогда Эрл был бы моим отцом. К черту такие перспективы.

Телевизор мы оставили в прошлой квартире, потому что пришлось вылезать в окно посреди ночи. Он был черно-белый, и изображение съезжало вбок, но это ерунда. Хоть какой-то, но все-таки телик.

Домовладелец требовал денег, причем немедленно. А никто не указывает Эрлу Уокеру, что делать. Никому не позволено раздавать ему приказы. На несколько часов он сваливает, а потом мы все сбегаем через окно. Нутром чую, случилось что-то плохое, но Эрла не спрашиваю. Я вообще с ним не разговариваю, если в этом нет необходимости. И так с лихвой хватает ненужного внимания.

Однако сейчас Ким спит, а без телика остается только думать. Я думаю о Датч. О том, почему она меня спасает и не дает умереть. Думаю о ее свете. О том, какой он яркий и сколько придает мне сил. Думаю об Эрле. Уверен на все сто, что он хочет меня убить. Сам вечно грозится «закопать меня в землю». Диву даюсь, почему я до сих пор здесь. Живой. Зачем я вообще существую?

Иногда Эрл делает фотографии. Те, которые вылезают из фотоаппарата и медленно проявляются. И это худшее из всего, что есть в моей жизни. Он развешивает их в ряд в каждом доме, в каждой квартире. В том помещении, которое считается нашей гостиной. Наверное, поэтому Ким вечно ходит с опущенной головой и поникшими плечами. Там снимки и висят, пока кто-то не приходит к Эрлу в гости. Тогда он запихивает их в носок и прячет в своем ящике.

Раньше я постоянно думал, зачем ему эти фотографии. Теперь мне наплевать. Все равно их никто не увидит. Эрл в курсе, как они на меня действуют, и смеется. Когда нам приходится переезжать, он выбивает в стене дыру, засовывает туда снимки и заделывает дырку. Причем так все и оставляет. На стене остается большое белое пятно. Как напоминание о том, что у него есть чем меня шантажировать. Эрл тупой, поэтому не понимает, что фотографии могут причинить ему вреда больше, чем мне.

Не сразу, но мне все-таки удается раскусить, зачем он вывешивает снимки. Наверное, чтобы я не приводил домой друзей. Как будто они у меня есть. Вообще-то, с некоторыми из соседских пацанов я знаком. Иногда Эрл все-таки отпускает нас на улицу. Но только при условии, что на мне нет заметных следов. Изо всех сил я стараюсь залечивать раны как можно быстрее. Эрл говорит, что я быстро исцеляюсь. А по-моему, не так быстро, как хотелось бы. Даже минута, проведенная с ним под одной крышей, – это слишком долго.

Иногда он находит работу, и мы остаемся дома одни. Наступает рай. Мы делаем, что хотим, и едим, что хотим. Точнее едим то, что у нас есть. Сегодня Эрл на работе. Ким ест последнюю банку равиоли, а я – упаковку крекеров с горчицей. В коробке, которую оставили те, кто жил здесь до нас, мы нашли несколько книг. Читать я научился по забытым книгам и журналам. И по субтитрам, когда у нас был телевизор. А потом, давным-давно, научил

читать Ким. Правда, сегодня я сам ей читаю, пока она не засыпает. Лучи полуденного солнца стелятся по полу и играют огнем в ее волосах. Я съедаю еще несколько крекеров. Слизываю с пальцев горчицу. Праздную короткие периоды нормальной жизни.

Эрла нет, и мы можем спокойно дышать.

Я закрываю глаза и нахожу Датч. Она в парке недалеко от дома. Ездит на велосипеде. С ней девочка, у которой почти такие же рыжие волосы, как у Ким. Свитер на Датч безразмерный и слегка бледнее локонов кофейного цвета. Щеки разрумянились. Она хохочет, когда велосипед чуть не съехал в ручей. Тот самый ручей, в котором она чуть не умерла.

Сейчас Датч нечасто сюда приходит. Зато Дениз, мачеха, с удовольствием таскала ее именно в этот парк, пока Датч не начала ходить в садик.

Помню, как она играет в классики с подругами чуть постарше. Датч всего три. Слишком мало, чтобы играть без присмотра, но Дениз занята – болтает с другими мамами.

Какие-то мальчишки наблюдают за девочками. Помню, что страшно им завидовал. Мальчишки бросаются палками и убегают. Девочки мчатся следом. Дениз кричит на Датч и велит оставаться на глазах. Потом отворачивается и продолжает свой рассказ, не обращая никакого внимания на падчерицу.

На краю зацементированного русла стоит девочка лет тринадцати и подзывает Датч подойти ближе. Дождей было много, поэтому вода в русле поднялась. Течение достаточно сильное, чтобы утопить все, что попадется в лапы неистовой воды.

Девочка продолжает звать Датч. И эта девочка мертвая. Забыв о словах мачехи, Датч идет вперед. У девочки не все в порядке с головой. По глазам вижу. Она напугана и растеряна, но это не дает ей права убивать. Я заранее знаю, когда должно произойти что-то плохое. Наверное, все из-за адского огня внутри меня. Из-за самородной серы в моей крови.

Я встаю между Датч и девочкой-призраком. Расправлю плащ. Мрачно смотрю на Датч, и она начинает пятиться. Глаза огромные, щеки ярко-розовые от холода. Секунду спустя она бросается бегом к мачехе, и та опять на нее орет. За то, что далеко ушла. В этот раз я на стороне дикой суки. Лучше пусть на Датч наорут, чем она умрет.

Я поворачиваюсь к призраку. Девочка достаточно взрослая, чтобы понимать, что именно она пыталась сделать. И наверняка знает, что это неправильно по всем понятиям.

Она зачарованно смотрит на меня. Я снимаю капюшон и уже знаю, что она хочется ко мне прикоснуться. Пальцами. Губами. Но вместо этого я сам прикасаюсь к ней. Беру за горло, подтягиваю ближе и цежу сквозь стиснутые зубы:

- Это мой мир. Еще раз увижу тебя рядом с ней – отправлю туда, где кожа пойдет пузырями, лицо расплывится, и ты будешь целую вечность орать от боли.

Девочка молча открывает рот, кивает и исчезает, как только я ее отпускаю. А я стою и, мягко говоря, удивляюсь, что она послушалась.

Глава 6

Несколько раз я пытаюсь сбежать. Еще до появления Ким, лет в шесть-семь, решаю, что достаточно вырос и смогу жить сам по себе. Но Эрл ставит решетки и заколачивает окна гвоздями, поэтому я никак не могу их открыть. Дверь, когда уходит, он запирает снаружи. Как ни толкаю, дверь не поддается. Думаю, что когда-нибудь стану сильным, выбью окна и голыми руками сломаю решетки. Когда-нибудь.

Приблизительно в это же время я начинаю задумываться, зачем создал себе другой мир. Зачем придумал Датч. Там я могу быть сильным, ловким, могущественным. Как ангел из Библии, которую я украл из номера отеля, куда мы однажды вломились. Или как супергерои из комиксов, которые я нашел в мусорной корзине. Или как Дорожный Бегун¹ из

¹ Хитрый Койот и Дорожный Бегун — два персонажа одноимённой серии короткометражных мультсериалов «Looney Tunes» и «Merrie Melodies».

моего любимого мультика.

На самом деле я больше похож на Койота, который вечно все портит из-за собственной неуклюжести. За что бы я ни взялся, ничего не получается. Я и чувствую себя, как тот Койот, когда он падает с обрыва и шлепается на землю в облаке пыли.

Но в мире Датч все по-другому. Ее мир яркий, осязаемый, живой. В нем происходят события помимо моей воли. Если бы мог, я заставил бы новую мать Датч полюбить свою падчерицу. И заставил бы Датч полюбить меня. Так что, наверное, это даже хорошо, что я не могу влиять на тот мир. Зато хожу туда, как только появляется шанс. Чтобы почувствовать на лице свет Датч. Увидеть, как сияют ее глаза. Я ложусь на спину, ныряю в ее мир и провожу там по несколько часов за раз. Эрл злится. Велит мне прекращать.

Но он никогда не был в ее мире.

Когда-то я каждый день просил Эрла разрешить мне ходить в школу. Он всегда отказывал. Говорил, мы слишком часто меняем адреса. И это правда. Хотя иногда мне все-таки удается познакомиться с соседскими мальчишками. Одни мне нравятся, другие – нет.

Снова и снова приходится отвоевывать свое место под солнцем. Некоторые девочки втайне хотят со мной поцеловаться. Некоторые мальчики тоже. У девочек постарше на уме не только поцелуй. Их взгляды постоянно направлены на мой рот, плечи, живот. Но старших мальчишек это только бесит, хотя и они украдкой смотрят на меня точно так же, разрываясь между желанием и ненавистью.

В первую драку я ввязался в пять лет. Троє мальчиков из средних классов пытались разбить мне лицо камнем. Главный из них был настоящим извергом. Что, в общем-то, и понятно. Он отправится в ад за то, что застрелил человека в соседней машине перед светофором. Правда, только через несколько лет.

Сама драка длилась недолго. Двое меня держали, а третий, лидер, чтобы хорошенъко прицелиться, поднял над головой здоровенный булыжник. Я попал кулаком по одному лицу, локтем – по другому, а потом просто пнул по руке заводилу. Камень выпал и стукнул его голове. На этом все и закончилось. Пацан два дня провалялся в больнице. Мальчишки сказали копам, что я на них напал. Слава богу, мне было пять, а им по одиннадцать-двенадцать. Полиции я сказал, что папы нет дома. И не соврал. Эрл мне не отец. Это я знаю давным-давно. Он прятался в квартире, а я сказал копам, что он пошел в магазин. Пока они говорили с другими родителями, Эрл побросал наши вещи в старый чемодан, а то, что не влезло, – в корзину для белья, и мы смылись. Ни в ту квартиру, ни даже в тот район больше не возвращались.

Квартира, в которой мы сейчас живем, досталась нам только потому, что Эрл всеми правдами и неправдами умаслил домовладелицу. Даже пару раз ходил с ней на свидания. Я слышал, как они занимались сексом. Оба притворялись, будто им хорошо друг с другом, и отношения быстро выдохлись. Зато нам осталась новая светлая квартира со стиралкой и сушилкой. Сушилка стоит сверху на стиральной машине и не работает, но это мелочи. Я рад уже тому, что есть стиралка. Раньше, чтобы постирать, приходилось куда-то идти.

Каждый раз, когда мы переезжаем на новое место, Эрл счастлив. Но это не всегда хорошо. Он готовит нам с Ким еду, сдуваает с нас пылинки, отправляет ее спать и зовет меня к себе.

Думаю, он знает, что мы с Ким скоро уйдем. Потому что снова запирает нас на замок. Не разрешает ходить ни в магазин, ни в библиотеку. Но из большинства домов мы умеем сбегать тайком. В любой клетке можно найти слабое место.

Когда я был маленьким, мы жили в доме с чердаком. Из моей комнаты туда вел небольшой лаз, прикрытый панелью. В стену на чердаке был вмонтирован вентилятор. Я сдвигал его в сторону, пробирался в узкое отверстие, спрыгивал на кучу бревен и ходил в библиотеку. Не школа, конечно, но хоть что-то. Если я оказывался дома до возвращения Эрла, все было в порядке. Но пару раз я не успел. Пришлось расплачиваться. И все равно оно того стоило.

Глава 7

Со временем меня притягивает к Датч все больше и больше. Как магнитом. Обычно я сам к ней хожу. Наблюдаю со стороны. Но иногда ее эмоции настолько мощные, что меня тащит к ней какой-то невидимой силой. Чувствую, что просто обязан пойти. Узнать, все ли с ней в порядке. Что само по себе бред, потому что Датч ненастоящая.

Впервые это случается, когда мне семь. Ее чувства вытаскивают меня из моего мира. Сильнее всех остальных – гнев. Такой, какой может испытывать только она. Даже в четыре года Датч такая сильная, что с ее эмоциями приходится считаться.

Она сидит в машине с Дениз. Между прочим, Датч ее так и зовет. По имени. Женщину настолько это бесит, что багровеет лицо. Датч уже поняла, что Дениз ее не любит и никакими словами и действиями этого не изменить. Поэтому и называет ее по имени, а не мамой, как той бы хотелось. Причем Дениз этого хочет даже не для себя, а чтобы замылить глаза отцу Датч. Чтобы внешне все выглядело хорошо, хотя изнутри ничем хорошим и не пахнет.

Зато Датч хочет, чтобы отец все знал. Видел, с какими безразличием и нелюбовью относится к ней мачеха.

Однако на этот раз лицо Дениз покраснело по другой причине. Умер ее отец, и Датч пытается передать ей от него послание. Но мачеха в такой ярости, что ее всю трясет. Она злобно смотрит на Датч и так хочет влепить ей пощечину, что дергается рука. В конце концов Дениз решает, что хватит и ругани.

- Шарлотта! Да как ты смеешь говорить такие вещи!

Датч не нравится, когда ее называют Шарлоттой. Ей больше нравится Чарли. Так зовет ее отец. И дядя Боб. Этих двоих она любит больше всего на свете. Свою сестру Джемму она тоже любит, но Джемма – ручной зверек Дениз, поэтому Датч старается держаться на расстоянии.

Пытаясь достучаться до мачехи, Датч повторяет послание, но та ей не верит. Что-то о синих полотенцах. Сам не понимаю, о чем речь, но, кажется, для призрака, который говорит с Датч с заднего сиденья, это важно. Он оглядывается на меня, глаза у него распахиваются, но меня больше интересует реакция мачехи. То есть его паршивой дочери.

- Поверить не могу! И как только тебе в голову пришло говорить вслух такие ужасные вещи?! – Дениз хватает Датч за руку и подтягивает ближе. – Я все расскажу твоему отцу. Надеюсь, тебе будет больно сидеть как минимум неделю.

Я задыхаюсь от вспышки гнева, но стараюсь держать себя в руках. В сотый раз мне хочется убить эту женщину. Но ведь это всего лишь моя мечта. Наверняка я сумею как-то избавиться от сквачинной суки.

Машина останавливается за баром, куда часто ходит отец Датч. Это местный полицейский притон. Дениз отстегивает ремень и тащит Датч на улицу через водительское сиденье. Ногти глубоко впиваются в кожу, сквозь несколько слоев, и я чувствую боль Датч. Но сильнее боли ее жжет унижение, когда Дениз затаскивает ее в бар и усаживает на скамью возле кухни.

- Сиди здесь. Я найду твоего отца. – Наклонившись, Дениз оказывается нос к носу с Датч. – И мы посмотрим, будет ли он на этот раз расхваливать своего ангелочка.

Она уходит. Официантка бросает ей вслед сочувствующий взгляд. Датч мечтает залезть под скамейку и исчезнуть. В ней борются гнев и унижение.

Дениз находит Лиланда, отца Датч, за столиком. С ним сидит Роберт, которого Датч называет дядя Боб. Мачеха закатывает истерику. Смущенный ее поведением, Лиланд неловко ерзает. Ему почти так же стыдно, как и Датч, пока до него не доходит смысл слов Дениз:

- Она сказала, что мой отец только что умер.

Лиланд оглядывается по сторонам. Встает из-за стола. Подталкивает ее к двери.

- Она сказала, что он умер, Лиланд. Как она смеет такое говорить!

- Дорогая, успокойся, пожалуйста.
- Успокоиться?! – громко визжит Дениз.

Присутствующие в баре, в основном копы, либо удивлены, либо раздражены. Некоторым Дениз не нравится. Среди таких и брат Лиланда. Он сердито смотрит, как мистер Дэвидсон пытается увести жену.

- Ты напиваешься посреди дня со своими дружками, а твоя дочь утверждает, будто мой отец умер!

- Мы обедаем.

Дениз встает вплотную к Лиланду и цедит:

- Она – ходячее зло.

Мистер Дэвидсон стискивает зубы. Злится, что Дениз устраивает сцену на глазах у его коллег.

Мне хочется бушевать, крушить все вокруг, хоть как-то привлечь их внимание. Датч обиженно складывает на груди маленькие руки и шепчет:

- Ну и ладно. Тогда я просто возьму и сбегу.

Если бы я только мог сбежать вместе с ней!

Она с трудом открывает тяжелую заднюю дверь и делает именно то, что сказала. Сбегает. Причем бежит со всех ног. А потом вдруг падает и скользит по асфальту, обдирая локти и колени.

Оглядывается, но не узнает ничего вокруг. Начинает нервничать. Я улавливаю намек на панику, но словно из ниоткуда появляется какой-то мужик и помогает Датч встать.

- И что тут у нас случилось? – спрашивает он и, подняв на руки, успевает унести ее с дороги прямо перед носом проезжающей машины.

- Я не могу найти папу.

- Ну что ж, солнышко, я тебе помогу, - улыбается мужик. – Наверное, нам сюда.

Он протягивает руку, но Датч сомневается.

- Вы знаете папу?

- Конечно, знаю. Он тебя уже обыскался.

- Тогда ладно.

Мужик врет. Врет! И она это знает. Чувствует. Наверняка чувствует. Но все равно берет мужика за руку и идет за ним. А я узнаю, что бурлит внутри него. Потому что давно с этим знаком. Голод. Похоть.

Его зовут Итан, и грех, который приговорил его к аду, он совершил давным-давно. Он уже старый – сорок или около того. У него волосатые плечи, а вокруг ремня на поясе висит жир.

Я появляюсь прямо перед ними. Мужик меня не видит, зато видит Датч. Поднимает голову. Останавливается. Мужик тянет ее за руку:

- Пойдем. Твой папа уже заждался.

На самом деле он ведет Датч обратно к бару, но она этого не знает. Пытается вырваться, и мужик говорит:

- Все уже с ног сбились, солнышко. И тебя ждут большие неприятности. Лучше нам поторопиться.

Я возвращаюсь в бар. Дениз все еще ругается с мужем. Чуть не опрокинув стул, из-за стола встает Роберт и выходит на улицу через заднюю дверь.

Он ищет Датч, но ее нет. Роберт бежит в кухню, обыскивает туалеты.

- Пришли, - говорит Датч, показывая на бар.

Мужик нервничает. Осматривается по сторонам. Видимо, знает, что сюда часто захаживают копы.

- Точно, - радостно бормочет мужик, никого не заметив, - вот только твой папа в том доме. Стучит в каждую дверь, чтобы тебя найти.

- Ладно.

Датч с тоской смотрит на бар, но они проходят мимо и идут к дому, который стоит

прямо за зданием бара. Мужик заводит ее внутрь. Датч вздрагивает, когда за ними закрывается дверь, и жует палец, оказавшись посреди незнакомого дома.

В конце концов Роберт возвращается к столу и хватает мистера Дэвидсона за руку:

- Может, поможешь мне найти твою дочь, вместо того чтобы стелиться перед ноющей женой?

Дениз громко ахает, но мистер Дэвидсон о ней уже забыл.

- Что значит «найти»? – Крутит головой и выбегает на улицу.

Дядя Боб бежит за ним, и они вместе заглядывают в каждый закоулок.

Я пытаюсь придумать, как привести их к Датч. Мужик ведет ее вверх по лестнице, и меня поражают ее чувства. Она ничего не боится. Вообще ничего. Кроме меня. Когда она замечает меня краем глаза, от страха у нее по спине бегут мурашки. Но за все те годы, что я о ней мечтаю, я ни разу не ощущал, чтобы она еще чего-то боялась. До сегодняшнего дня.

Датч знает, что что-то не так. Знает, что должна была отказаться от помощи. Убежать от этого мужика. Она ведь как я. Тоже ощущает чужие эмоции. И она понимает, что в мужике играют какие-то неправильные чувства, которые явно не пойдут ей на пользу.

С каждой ступенькой он держит ее за руку все крепче. Потому что начинает возбуждаться. В его венах пульсирует кровь. Сердцебиение учащается. Датч тоже это чувствует и прикусывает губу. Впервые в жизни ей страшно. По-настоящему страшно. И ей это не нравится.

Она начинает вырываться, но мужик крепко держит ее за запястье толстыми пальцами и затаскивает к себе в квартиру. А когда она начинает дергаться отчаяннее, поднимает на руки. На Датч платье, которое ее заставила надеть Дениз. Мачеха любит заставлять Датч носить то, что ей не нравится. В качестве наказания. Или попытки держать ее под ногтем. Взяв Датч на руки, мужик нащупывает ее трусы и чуть не кончает прямо в штаны. Я знаю, что он на грани.

Хочу, чтобы Датч закричала, но она всего лишь упирается руками ему в плечи. Отталкивает его лицо ладошками. Он закрывает дверь. Она тянет его за волосы. Пытается пнуть и укусить. Он не ожидал, что с ней будет столько проблем, поэтому бросает ее на кровать и заворачивает в одеяло.

Я знаю, что должно произойти. Потому что был на месте Датч столько раз, сколько себя помню. Но это же, черт возьми, моя мечта! Почему я не могу остановить эту тварь?

Меня трясет. В глазах мутнеет от слез.

Датч пытается выбраться из-под одеяла, но мужик сильно прижимает ее к кровати и задирает одеяло вверх по ногам.

У нее бешено бьется сердце, она пытается его пнуть, поэтому он прижимает ее еще сильнее. Датч тяжело дышать, но она продолжает бороться. Пытается оттолкнуть мужика. Дергается и царапается, но он уже потерялся в своих ощущениях. Проводит пальцами по резинке трусов. Они розовые, с маленькими цветочками.

Меня так сильно трясет, что подкатывает тошнота. Эти пальцы я практически чувствую на себе. Они давят. Жмут. Вторгаются внутрь.

Хватит... Хватит. Хватит!

Датч удается сдвинуть одеяло с лица, и ее глаза замечают меня. Я всем нутром ощущаю ее взгляд. Как всегда, я в плаще. Моего лица она не видит. Но почему-то начинает бояться еще сильнее. Почему? Это ведь не я хочу сделать с ней что-то плохое.

Но все это не важно. Она перестает бороться и смотрит на меня огромными, сияющими золотой пылью от непролитых слез, глазами. Мужик ничего не замечает. Его завораживают ее трусы, тонкие ноги и маленький треугольник там, где они сходятся. Он раздвигает ей колени. Датч не сопротивляется. Лежит совершенно неподвижно, но я точно знаю, что будет дальше.

Горло обжигает желчью. Это моя мечта. Моя, а не его!

Мужик стягивает с Датч трусы, и что-то во мне ломается. Не могу на это смотреть. Эту сволочь приговорили к аду кучу лет назад, но ему еще долго не придется покинуть

землю. Если он еще не сдох, это не значит, что ему позволено причинять людям вред. Особенно Датч. Моей Датч.

Если бы это была видеоигра...

Плащ клубится вокруг меня, как непроглядное черное море. Если я смог его создать, всего лишь подумав, то, может быть...

Я тянусь рукой за спину, как в видеоигре, которую видел когда-то в прачечной. Крепко обхватываю пальцами эфес и вытаскиваю из ножен здоровенный меч. Он горячий, как будто только что из огня. От острого лезвия идет дым. Само лезвие с зазубринами и отметинами, прямо как у меня на спине и плечах. И я уже знаю, что мой меч пришел из ада. Как и я сам.

Я берусь за рукоять обеими руками. Выбора нет. Придется сделать это на глазах у Датч. Она по-прежнему смотрит только на меня. Следит за каждый движением, за каждой реакцией и даже не замечает, где сейчас находятся пальцы мужика. Не замечает, какие ужасы он с ней творит.

Я запрыгиваю на комод и заношу над головой меч. Он легко проходит сквозь мужика, как будто его не существует.

Но крови нет. Ран – тоже. Мужик не кричит, не складывается пополам. Я стою на комоде и утопаю в полнейшем шоке. Я не справился. Крепко зажмуриваюсь. Я не справился! И больше ничего не могу поделать.

Вдруг в комнате раздается какой-то стук. Я смотрю под ноги и вижу, как падает Итан. Глаза у него широко распахнуты. Он не знает, что произошло. Беда в том, что я тоже не знаю.

Зато знаю, что Датч ищут. Ее отец и дядя уже в переулке. Кричат, зовут ее. Я их слышу, но Датч в каком-то трансе. Она сжалась в комок в углу кровати. Трусы на щиколотках. Одеяло обмоталось вокруг живота и маленьких кулаков. Оно прикрывает поллица, потому что Датч егокусает. Кусает собственные пальцы прямо сквозь одеяло.

- Беги, - говорю я ей.

И она меня слышит. Ее глаза становятся еще больше, но сама она молчит.

- Куда? – спрашивает ее отец у какой-то женщины в переулке.

Та качает головой. Не знает, что ответить.

- Я только видела маленькую девочку. Когда возвращалась с продуктами из магазина. Я... я не знаю, куда ее повели.

- Беги, говорю. Да беги же, черт возьми!

Датч продолжает молча на меня смотреть, поэтому я хватаю ее за волосы и дергаю к себе. Лица не показываю. Оно по-прежнему скрыто черной тканью. Может быть, так даже лучше. Может быть, она еще больше начнет меня бояться, а прямо сейчас это было бы супер.

Другой рукой я беру Датч за горло. Страх в ее глазах почти непереносимый. Но ее отец и дядя уходят. Ищут не там.

Подаюсь ближе и на этот раз шепотом цежу:

- Беги, или я к чертовой матери сломаю тебе шею.

Она делает глубокий вдох и кричит, но отец с дядей далеко и не слышат.

Я крепче сжимаю пальцы на ее шее, сильнее тяну за волосы, и наконец, не медля больше ни секунды, Датч выползает из-под одеяла и сломя голову бросается к двери. Замок не поддается, поэтому я кладу руку на пальцы Датч, и мы открываем его вместе.

Она бежит к лестнице. Спотыкается, летит вниз и врезается в чью-то дверь, но ничего не замечает. В полумрак просачивается солнечный свет, и Датч выходит на улицу. Она опять в трансе. Идет, не разбирая дороги. На полпути к машине Дениз она останавливается, будто парализованная. На ресницах блестят слезы. По ногам течет моча. Носки и туфли промокают.

Датч сгорает от унижения. Кожа будто светится, щеки краснеют. Сначала я думаю, что ей стыдно от того, что она обмочилась. Или от того, что сделал с ней Итан. Но она собирает в кулаки подол платья и прижимает к ногам. Из груди рвутся рыдания, и вдруг

Датч разворачивается и идет обратно к дому.

Какого черта? Зачем ей туда возвращаться?

И тут до меня доходит. Трусы. Они запутались в одеяле, когда Датч убегала от меня.

Я появляюсь прямо перед ней. Она резко останавливается. Делаю шаг вперед, она – шаг назад. Я наступаю снова и снова. Ее дядя и отец бегут к нам. Я их слышу. Еще один шаг вперед. Еще один – назад.

Секунду спустя Датч в объятиях отца. Он задает вопросы, а она смотрит только на меня. Поэтому я отхожу на безопасное расстояние, но ничего не меняется – глаза Датч по-прежнему следят за мной. Дядя гладит ее по голове, а потом замечает, в каком она состоянии. Достает носовой платок, вытирает ей ноги и пытается промокнуть носки.

Отец берет ее за плечи и спрашивает, что произошло.

Датч опускает голову. Ей так стыдно, что у меня разбивается сердце. Но она ничего не рассказывает папе. Качает головой и говорит:

- Я... я заблудилась.

Он ей не верит. И все же, еще раз осмотревшись, решает не мучить ее вопросами, обнимает и снова берет на руки. У Датч шок.

Извращенец жив. И проживет еще очень долго, но обеды и ужины будет хлебать через трубку. Ублюдок. Жаль, что я не могу сделать так же в реальной жизни. Больше всего на свете мне бы хотелось, чтобы Эрл тоже жрал свою еду через трубку.

Пусть Датч меня боится, зато осталась жива. И тут в голове всплывает воспоминание. Большинство из таких, как она, долго не живут. Все они – искатели, собиратели душ. И всегда умирают совсем юными. Я задумываюсь, не является ли это частью созданного мной мира. Но это знание приходит оттуда же, откуда я знаю, отправится ли человек в ад. Я знаю все их имена и знаю, какой поступок приговорил их к такому ужасному концу.

Может быть, я сумасшедший. Может быть, Эрл слишком часто меня бил. Слишком часто накачивал наркотой.

Из бара выходит Дениз, но Лиланд не обращает на нее внимания. Садит Датч в свой джип и увозит домой. Когда машина скрывается из вида, Роберт сердито смотрит на Дениз. Та задирает нос и уже собирается отрицать свою вину, но он подходит ближе и говорит сквозь зубы:

- Твой отец умер в больнице два часа назад.

Похоже, Роберту по душе, как поразилась Дениз. Никогда не считал его жестоким человеком, но в этот момент он стал мне нравиться намного больше.

Жаль, что его ждет одна из самых страшных смертей. Жаль, что он отправится в ад.

Глава 8

Когда я начинаю соображать, что меня накачали наркотой, Эрл со мной уже закончил. Ослабляет веревки и уходит мыться. Видимо, даже под наркотиками я боролся. Когда сопротивляюсь, он меня бьет, а сейчас я на все сто уверен, что у меня сломана челюсть. Пытаюсь пошевелиться, но с головой захлестывает пронзительная боль, поэтому сдаюсь и тихо лежу.

Переломы – еще один способ Эрла убедиться, что я не сбегу. Трудно выкарабкиваться из подвала со сломанным запястьем. Или убегать со сломанной ногой. Как только я почти полностью исцеляюсь, он ломает что-то еще. Переломы – ерунда. Это я могу пережить. Но другие вещи ломают меня изнутри. Вызывают острое желание умереть.

Если бы не свет Датч, я бы умер. Без вариантов. Жаль, что свет ненастоящий. Жаль, что она сама ненастоящая. С каждым днем она взрослеет и становится еще красивее. И пусть она всего лишь плод моего воображения, я все равно ее люблю. Всем сердцем. Всей душой.

Прибегает Ким с тряпкой и миской горячей воды. Для нас с ней это стало обычным делом. Я пытаюсь вспомнить, что было до того, как она появилась.

Ну да. Я корчился от боли и истекал кровью. Как и сейчас. Только тогда не было Ким,

чтобы обо мне позаботиться.

- Рад, что ты здесь, - говорю я, и на каждом слоге надламывается голос.

Она опускает голову. Сосредотачивается на ранах. Не верит мне.

Но я не вру. Вспоминаю день почти такой же, как сегодня. Мне семь и три четверти. И эти три четверти для меня очень важны.

Эрл сидит рядом на кровати. Я притворяюсь, будто сплю.

- Кто же ты такой? – спрашивает он и осматривает перелом, который я получил две недели назад.

Открывал банку консервированных спагетти в соусе и уронил. Кончились тем, что спагетти разлетелись по всей кухне, а я обзавелся переломом запястья.

Эрл поднимает уже полностью зажившую руку и поворачивает на свет. Я чувствую, что он в замешательстве. Чувствую, как восхищает его то, что он видит. Было время, когда он пытался придумать способ зарабатывать деньги на том, как быстро я исцеляюсь. Потому что думает Эрл только о двух вещах: о сексе и деньгах. Но в основном о сексе. Поэтому пришел к выводу, что не стоит меня терять ради лишней буханки хлеба. Любое оказанное мне внимание может открыть банку червей, которых он не готов сожрать.

Раздается стук в дверь. Эрл вскакивает и выключает свет в моей комнате. Снова стук. На этот раз громче.

- Я знаю, что ты там! – кричит какая-то женщина, кашляет и опять колотит в дверь. – Эрл! Я знаю, что ты там!

Он узнает голос и подходит к входной двери:

- Чего приперлась, Келли?

- У меня для тебя кое-что есть.

- Оставь под дверью, – говорит Эрл и бормочет себе под нос: - Чокнутая сука.

- Я все слышу! И я не могу оставить это под дверью. Открывай! – Надолго воцаряется тишина. Потом женщина добавляет: - Я умираю, Эрл. Открой дверь.

В конце концов он открывает, и прямо из комнаты я вижу рыжую женщину. Причем откуда-то ее помню. В одной руке у нее рыжая девочка, в другой – чемодан. Синий.

- Ну и что ты приволокла? – спрашивает Эрл.

Не меньше двух минут женщина кашляет и только потом отвечает сиплым, как будто всю жизнь курила, голосом:

- Я умираю. Времени осталось совсем чуть-чуть. Мне надо, чтобы ты взял Ким.

Эрл смотрит на девочку, но та смотрит на меня. Или это только так кажется. В моей комнате темно. Вряд ли она меня вообще видит. Глаза у нее как блюдца. И она тоже болеет. Или сильно недоедает. Короче говоря, она жутко тощая, а в длинных волосах полно спутанных комков.

- Зачем мне брать твоего ублюдочного ребенка?

Женщина подталкивает девочку к Эрлу:

- Потому что она твоя дочь.

- Вранье, – ерепенится Эрл.

- Сам посмотри. Вот свидетельство о рождении. – Она протягивает ему конверт.

- Это ни хрена не значит, и ты это знаешь. Ты могла указать в этой херне хоть короля Англии. На кой ты записала мое имя?

Не хочется напоминать Эрлу, что короля в Англии сейчас нет.

- Потому что она твоя дочь. Я залетела прямо перед тем, как у тебя объявился мальчишка.

Эрл оглядывается на меня, и я тут же закрываю глаза.

- Возьми ее к себе всего на пару дней, пока я не выслежу свою тетку Донну. Ты же ее помнишь?

Эрл кивает:

- Это не значит, что я должен кого-то к себе брать.

- Прошу тебя, Эрл. Мне больше не к кому обратиться. – Он не сдается, и женщина

добавляет: - Я заплачу.

Тут она его подловила.

Снова подсовывает ему конверт:

- Здесь две тысячи. Они твои, если присмотришь за ней, пока я не найду тетку Донну.

Эрл колеблется. Оглядывает оборванку сверху донизу. Ворчит и нехотя соглашается:

- У тебя одна неделя. Потом выкину ее на улицу.

Кивнув, женщина буквально сияет, как будто ей ответили на все молитвы. А я думаю о том, знает ли она вообще человека, с которым разговаривает. Знает ли, что только что отдала собственную дочь в руки дьяволу.

Глава 9

Ее зовут Ким. Ким Миллар. Жутко застенчивая. Прячется везде, куда может пролезть. Эрлу это только на руку. Не могу дождаться, когда ее заберут, потому что сразу после этого свалю отсюда на все четыре стороны. Как только подвернется возможность. Все время, что Ким здесь, Эрл меня пальцем не трогает. Но он в бешенстве. Прошло уже две недели, а мать Ким так и не появилась. Каждый день он грозится выбросить девчонку у ближайшего приюта.

Сейчас он ушел искать ее мать, а я тащу миску супа с лапшой к дивану, за которым любит прятаться тощая, как тростинка, Ким. Приходится согнуться в три погибели, чтобы протолкнуть миску в узкий зазор между диваном и стеной.

От супа Ким отказывается. Как всегда.

- Тебе надо поесть, – говорю я.

- Поем, когда вернется мама.

За две недели она заговорила со мной впервые. Я удивлен. Сажусь рядом с диваном.

- Может пройти много времени.

Я знаю, что Ким ест. Только так, чтобы мы с Эрлом не видели. Она ждет, пока мы не ляжем спать, потом копается по ящикам и опять прячется с едой за диваном. Даже сейчас я вижу помятую коробку от крекеров и банку из-под тушеницы.

Ким отползает дальше, я начинаю есть суп. Причем громко чавкаю, и девчонка наконец сдается:

- Может быть, всего капельку...

Я протягиваю ей миску, и Ким потихоньку подползает ближе.

- Сколько тебе лет? – спрашиваю я.

Она засовывает в рот целую ложку лапши и тихо бормочет:

- Четыре с половиной.

- А мне семь и три четверти.

- Мне не нравится Эрл.

Я смеюсь:

- Мне тоже.

- Он твой папа?

- Ни хрена подобного.

Ким спокойно кивает. Явно привыкла к плохим словам. Эрл говорил мне, что ее мама проститутка, и что скорее всего они жили на улице.

- У тебя есть дом? – из любопытства интересуюсь я, потому что и сам собираюсь жить на улице.

Ким молча качает головой.

- А где ты спишь?

Она опускает голову и запихивает в рот еще одну ложку лапши.

- Твоя мама и правда умирает?

Ким кивает.

- А у тебя...

- Почему у тебя бывают приступы? – перебивает она, поднимает миску выше и пьет юшку. По подбородку стекают капли.

- Кто сказал, что у меня бывают приступы?

Сделав большой глоток, Ким опускает миску.

- Эрл. У тебя сегодня был приступ, и он сильно разозлился.

Я складываю на груди руки. Не стоило ему такое говорить. Мне нужно было увидеть Датч. Она была... расстроена. Я почувствовал. А когда пришел, она гуляла в парке с мачехой.

Датч говорит ей, что девочка, которую ищет весь город, строит замки в песочнице. Мама девочки бегает по парку, то и дело спотыкается и зовет дочку. Дениз сгорает от стыда. Она же не видит призраков, как мы. Поэтому не верит Датч и прямо на глазах у всего народа отвешивает ей пощечину.

Меня пожирает злость. Почти такая же сильная, как тогда, когда Датч затащили в ту квартиру. Все на нее орут, говорят, что она ужасный ребенок. Но она права. Девочка рядом, машет маме. Люди кретины.

К сожалению, иногда я не могу справиться со своими эмоциями и в этот раз решаю, что мачехе давно пора исчезнуть. Достаю меч, но Датч в ужасе. Качает головой и смотрит на меня умоляющими глазами. Поэтому я зачехляю меч и обиженно прячусь между деревьями, пока все продолжают на нее орать.

Появляется ее папа, но не злится на Дениз, а обнимает ее и помогает сесть в машину, как будто мачеху кто-то покалечил. Я бы мог ее покалечить, но проворонил свой шанс.

Потом он идет к Датч. Опускает голову, как будто ему стыдно, и тихо спрашивает, не знает ли она, где тело. Датч кивает и, икая от слез, рассказывает.

Когда я ушел, туда уже явился целый батальон копов. Территорию оцепили и стали по картам координировать поиски.

Я смотрю на Ким и, черт его знает почему, рассказываю правду. О Датч. О своих мечтах. О том, что знаю, попадет ли человек в ад. Но рассказываю не все. Не говорю, что ее мама уже умерла. Правда, не от болезни. Ее убил какой-то мужик и закопал где-то в Вест-Меса. Я видел этого мужика, когда однажды Эрл разрешил мне сходить в магазин. Вот почему мать Ким показалась мне знакомой. Келли стала первой жертвой того человека. И именно ее убийство приговорило его к вечности в аду.

Келли не лгала, говоря, что умирает. Я спросил, только чтобы выяснить, знает ли Ким правду. Но кое о чем ее мать все-таки соврала. Когда сказала Эрлу, что попробует найти тетку Донну. Никакую тетку Келли не собиралась искать. И не собиралась возвращаться за дочерью.

Само собой, этого я тоже Ким не говорю. рассказываю только самое странное. Она так заинтригована, что уже сидит рядом со мной.

- А вдруг она вовсе и не мечта?

- Кто? Датч? Не может быть. Таких, как она, не бывает. Никто не может быть сделан из света.

- А я думаю, ты ошибаешься, и она настоящая. – Ким прислоняется к стене и смотрит куда-то вдаль. – Думаю, она станет красивой, сильной и поубивает всех злодеев с помощью своих суперсил.

Я тоже прислоняюсь к стене.

- Если так, то она и меня убьет.

Ким тут же выпрямляется.

- Не-а.

- Ага.

- Неправда. – Она берет меня за руку. – Ты не плохой. Ты мне суп принес.

- Ну, тогда ладно.

- Подожди. – Ким превращается в натянутую струну. – А моя... моя мама попадет в ад, когда умрет?

- Нет, - отвечаю я.

Ким снова садится поудобнее прямо у меня под боком, а я рад, что она не умеет чувствовать то, что чувствуют другие. Поэтому не знает, что я только что соврал.

Мама Ким так и не появляется. Что и понятно, раз уж она горит в аду. Но внезапно Эрл как будто и не против, что Ким здесь. А так просто он никогда не сдается. Никогда. Только если находит в ситуации выгоду. Через два дня я узнаю, какую именно выгоду он нашел в этот раз. И все мои планы по побегу полетят к чертовой матери.

Глава 10

После того случая в парке, когда Датч помогает папе найти тело девочки, причем девочки ее возраста, отец вечером приходит к ней в комнату. Я тоже там. Меня не притянуло. Я сам захотел прийти. Чтобы увидеть ее. Почувствовать себя живым.

Чтобы не пугать Датч, держусь в тени. Лиланд рассказывает, что они нашли тело той девочки. Он в замешательстве, но не из-за Датч, а из-за ее способностей. Из-за того, что видят ее глаза.

- Конечно, вы ее нашли, - кивает Датч. – Она же мне сама сказала, где ее искать.

На ней розовая ночнушка и салатовые носки. Классический стиль Датч.

- А как она тебе об этом сказала? – спрашивает ее отец, встает и проводит рукой по волосам.

Теперь и Датч в замешательстве.

- Открыла рот и сказала.

- Чарли... - Он снова садится рядом с ней. Датч накручивает на пальцы волосы куклы, которую держит в руках. – Как она тебе сказала? Я не понимаю, милая.

До Датч не доходит, что тут непонятного, и она пожимает плечами.

- Солнышко, - отец забирает куклу и приподнимает лицо Датч за подбородок, - объясни мне, пожалуйста, как она могла тебе что-то сказать.

- Пап, ты меня запутал. Она просто взяла и сказала. А что? Ей нельзя было ничего говорить?

Он опускает голову и расстроенно вздыхает.

- Ой! – добавляет Датч. – Джейкоб просит передать, что его убила подружка. Никто не знает. Все думают, она уехала, но она просто отдала свою кредитку подруге. А потом вломилась к нему в дом, пока он принимал душ, и зарезала.

Датч смотрит на человека, который стоит прямо в комнате. Он голый и с ног до головы покрыт кровью. Судя по всему, женщина не просто его зарезала. На нем видны ожоги, как будто его клеймили снова и снова для какого-то ритуала.

Датч не пугают ни кровь, ни нагота. К зверствам она уже привыкла.

Может быть, именно поэтому я так к ней тянусь. Ее ничем не удивить. Она принимает всех. Не важно, как человек умер и как жил.

- Джейкоб? – переспрашивает ее отец. – Джейкоб Таунсенд?

Датч смотрит на второго мужчину. Тот садится на корточки рядом с кроватью, чтобы она не видела его там, внизу, и кивает.

- Ага, - говорит Датч и снова берет куклу. – Подружку зовут Бет. Джейкоб говорит, она страшнее, чем конфеты с шипучкой.

Отец опять отбирает куклу.

- Солнышко, как ты узнала о Джейкобе Таунсенде? Мы нашли его тело всего два часа назад. Об этом еще нигде не говорили.

Датч садится ровнее.

- Значит, я должна подождать, пока об этом не заговорят, и только потом тебе рассказывать?

- Что? Нет, милая. Я вовсе не это имел в виду. Как ты узнала о том, что случилось с Джейкобом?

- Он сам мне сказал.

На целую минуту у отца отвисает челюсть. Но потом он спрашивает:

- Как?

Датч хихикает, и ее смех озаряет комнату. Джейкоб улыбается. Он так же очарован, как и я.

- Открыл рот и сказал. Ты такой смешной, папочка!

Лиланд опять проводит рукой по волосам, но постепенно начинает верить Датч, потому что призраки один за другим приходят к ней за помощью. Оказывается, она слишком много знает и видит. Потому что такова ее жизнь. С того самого дня она помогает отцу раскрывать дела. И дяде Бобу тоже. Никто ни о чем не догадывается. Но у Дениз, мачехи родом из ада, появляются подозрения. Она еще больше завидует и начинает относиться к Датч еще хуже.

Глава 11

Тринадцатый день рождения я встречаю в шкафу вместе с Ким, которая смывает с меня кровь. Эрл уходит, как только все заканчивается. На свидание с Сарой. Это его подружка, которая ему то надоедает, то снова становится интересной. Сейчас он пошел к ней не потому, что соскучился или хочет потрахаться. Меня с лихвой хватило. Ему нужны деньги на пиво, а Сара – последний из его банкоматов.

Она стоматолог-гигиенист. Я ей нравлюсь. Очень. И дело тут не в здоровой симпатии и заботе. Все началось с того, как Эрл впервые привел ее домой. Но Сара хорошо это скрывает. К тому же ей нравится Ким. И здесь уже все нормально. К Ким она относится со здоровой симпатией и заботой. Поэтому Сару я терплю. Она нам готовит и покупает Ким пену для ванн. Говорит, это для нас обоих, но я из пенных купаний давно вырос.

В защиту Сары, на вид мне тринадцать не дашь. Хотя, может быть, это исключительно мое мнение. На меня заглядывают девушки постарше. И девочки помладше. Иной раз даже взрослые женщины. Слава богу, взрослые женщины редко поддаются сиюминутным порывам. А те, что поддаются, как правило, не в ладах с головой.

Но женщины и девушки хотят меня по-разному. Чем они старше, тем яснее понимают, чего именно хотят. Совсем юным подавай пообжиматься. На уме у них одни поцелуи и тисканья. Им охота гладить меня по рукам, по спине и животу. Женщины хотят того же, но для них это только начало. А дальше – больше.

Многим пацанам тоже хочется потереться по углам, но мне – нет. Мальчики – не моя история. Когда меня хотят мужчины, я четко даю понять, что не по этим делам. Такого деръма мне по горло хватает дома. А вообще... груз чужой похоти изматывает. Все чего-то от меня хотят, и это изнурительно. Вот почему я, как правило, прячусь под капюшоном толстовки. Как сегодня. Иногда действует, иногда – нет.

Когда Эрл уходит, Ким помогает мне встать. Долго и нудно стою под душем, хотя теплая вода течет всего минуты три. Потом мы смываемся из квартиры через подвал дома. Мне нужно в парк. Этого дня я ждал несколько недель и не позволю невменяемым аппетитам Эрла все испортить.

В парке мне становится лучше. На улице тепло, поэтому я снимаю толстовку, и меня тут же замечают три девушки. Начинают флиртовать. Эрл вылетает из головы, поэтому я флиртую в ответ. Один взгляд там, полуулыбка здесь.

Ким убегает на качели, когда девушки набираются храбрости подойти. Говорят, они старшеклассницы, но еще не выпускницы. Играют волосами, шутят, смеются. Короче говоря, все, как всегда.

Одна немного похожа на Датч. Может быть, именно поэтому я с ними и заговорил. Датч сейчас всего десять, так что девушка выглядит как ее повзрослевшая версия. Не такая красивая, но волосы те же. Каштановые. И глаза похожи. Миндалевидные, кошачьи. Правда, у девушки серо-голубые, а у Датч золотистые. Но это ничего. Все равно о Датч в таком

ключе я не думаю. По крайней мере мне кажется, что не думаю. Внезапно отчетливо понимаю: к этой девушке меня тянет именно потому, что она похожа на Датч. Сомневаюсь, что это нормально.

Меня спрашивают, не помогу ли я разрешить спор. Девушки хотят узнать, кто из них лучше целуется.

Ложь. Не было у них никакого спора. Но я не против. К тому же они симпатичные, особенно темненькая. А в правильных обстоятельствах целоваться даже приятно.

Так или иначе, мне нужно убить время, поэтому мы идем к деревьям прямо за качелями. На меня беспокойно поглядывает Ким, но я намеренно не смотрю ей в глаза. Онакусает губу, а мы исчезаем за голыми потертными стволами.

У меня все болит, но я стараюсь не вздрагивать, пока мы поднимаемся по холму. Наверху бросаю толстовку на землю. Сую руки в карманы джинсов. Прислоняюсь спиной к тополю и жду, когда девушки сделают первый шаг. Как всегда, долго ждать не приходится.

Вперед выступает первая – симпатичная блондинка с ярко накрашенными глазами и прозрачным блеском на губах:

- Готов?

У нее так быстро бьется сердце, что эхо отдается у меня в ушах.

Я киваю.

Застенчиво улыбаясь, она подается ближе. Прижимается ко мне губами. Потом всем телом. Пока мы целуемся, она трется о мою ширинку. А через пару секунд ее язык уже у меня во рту. На вкус она как персик. Мои руки все еще в карманах. Это их игра. Пусть сами и решают, как далеко хотят зайти.

А потом случается то, чего стоило ожидать.

Все, кто меня целует, лапает или, черт возьми, даже кончает со мной, утрачивают связь с реальностью и впадают в состояние абсолютного блаженства. Теряют себя. Забывают про все запреты.

Я думал, так у всех, а оказалось, нет. Ничего подобного с Эрлом не происходит, когда он целуется, например, с Сарой. Только со мной. Хотя черта с два мы с ним целуемся. Не дождется.

Других я тоже видел. Они возбуждаются, но никогда не забываются целиком и полностью. Может быть, с людьми так происходит только со мной, потому что во мне живет зло.

Короче говоря, с блондинкой все по сценарию. Ее дыхание учащается. Руки становятся настойчивее. Я вздрагиваю, когда по животу царапают ногти, но девушку не останавливаю. Она сама отрывается от меня, но только потому, что одна из подруг решила вмешаться и со смехом оттолкнула ее в сторону:

- Это же спор. Все по очереди.

Блондинка встряхивается, но уходить не хочет. Затуманенный взгляд прикован ко мне. Она будто пьяная. От желания. Все еще не полностью пришла в себя. От возбуждения губы порозовели и припухли. Подруги тычут в нее локтями, и она наконец отходит.

Следующая – еще одна блондинка. Смелее первой. Увереннее в себе. Целуется жестче, прижимается сильнее. Кора царапает мне спину, но от ногтей вреда больше. Поначалу вторая притворяется. Разыгрывает целый спектакль. Хочет произвести впечатление. Но потом и с ней происходит то же, что и со всеми. Она медленно вдыхает воздух, наслаждаясь моим вкусом и запахом. Ее мышцы слабеют с каждой секундой, голова идет кругом. Она запускает пальцы мне в волосы, и поцелуй становится глубже. Я чувствую, как внизу ее живота и между ног разливается тепло.

Пару раз мы бьемся зубами, но она не останавливается. Хватает меня одной рукой за задницу и прижимает к себе. Движения набирают ритм. Блондинка номер два трется об меня и тихо стонет. Я и сам уже готов утонуть в ощущениях, но внезапно первая девушка оттаскивает от меня вторую, и между нами проносится холодный воздух, резко выдергивая меня из помутнения.

Оскалившись, вторая поворачивается к подруге, готовая расцарапать ей лицо. Первая блондинка хихикает и кивает на темненькую:

- Сейчас очередь Селесты.

Вторая успокаивается и мотает головой, как будто хочет отшвырнуть наваждение.

Ко мне робко подходит Селеста, кусает губу и говорит:

- Даже не знаю, могу ли с этим тягаться.

Я изображаю полнейшую невозмутимость.

- Уверен, что можешь.

Она тихо смеется, а через секунду внимательно смотрит на меня:

- Сколько тебе лет?

- А тебе?

- Семнадцать.

Я недоверчиво приподнимаю бровь.

- Ну, почти. Будет семнадцать через две недели. Так сколько тебе?

Не хочется ей говорить. Она придет в ужас. Но, с другой стороны, интересно узнать, что она будет делать, услышав правду.

- А сколько дашь?

Селеста пожимает худенькими плечами:

- Сначала думала, лет восемнадцать, но теперь, наверное, дала бы девятнадцать. Или даже двадцать.

- Почему?

- Ты кажешься очень... искушенным.

- Почти угадала, - киваю я. – У меня сегодня день рождения. Стукнуло тринадцать.

Ага, как я и думал. Ужас. Селеста отступает с ошеломленным выражением лица. С подругами та же история.

- Шутишь, да? – спрашивает одна из блондинок.

- Если бы.

Мне и правда жаль. Я бы сбежал сто лет назад. Нашел бы способ забрать Ким и сбежал. Но сейчас я ничего не могу сделать. Эрл хорошо постарался, вдалбливая мне простую истину: если я сбегу, он ее убьет. Если заберу Ким с собой, он заявит, что я ее похитил, и сделает так, чтобы нашими лицами была обклеена вся планета. Если я не делаю то, чего он хочет, он морит ее голодом, потом не дает пить, и так до тех пор, пока я не подчиняюсь его приказам. Если пойду к копам и его арестуют, Ким отправят в приемную семью или даже в детский дом. Я видел кучу детдомовых детей. Некоторые из приютов классные. Но некоторые хуже самых страшных ночных кошмаров. На такой риск я ни за что не пойду.

Будь я старше, сумел бы найти выход. Было бы больше вариантов. Да и сам я был бы умнее. Хитрее. Как Дорожный Бегун.

Ко мне снова подходит Селеста:

- Такое ощущение, что мы совратили ребенка.

Я опускаю голову и смотрю на Селесту исподлобья.

- Ты пока ничего не сделала. Хотя и хуже уже не будет, верно?

Достаю наконец из кармана руку и смотрю на часы. Время еще есть. Цепляюсь пальцем за петлю для ремня на ее штанах и тяну к себе. Селеста послушно прижимается, кладет мне на плечо подбородок, и я шепчу ей на ухо:

- Покажи мне, что ты умеешь.

От предвкушения она покрываются мурашками. Я ощущаю это так же остро, как она сама. Селеста принимает мой вызов, но начинает не с поцелуя. Сначала прижимается лбом к моему лбу. Проводит руками по бокам, забирается мне под футболку и гладит по ребрам. Я молча молюсь, чтобы на этом все и закончилось.

Знакомое наваждение накрывает Селесту с головой почти сразу. Большие серые глаза стекленеют, прикрываются отяжелевшими веками. Ее уже отравило похелью. Дыхание

смешивается с моим и, перед тем как поцеловать, она проводит языком по моим губам. Язык у нее горячий. Она сама горячая. Пальцы скользят вниз по ребрам, одна рука ложится мне на ширинку и гладит по всей длине.

Внутри Селесты нарастает жар. Разливается у нее в животе и спускается по ногам. Она подается ближе, чтобы наконец получить свой поцелуй, но долю секунды спустя ее от меня отрывают. Селеста падает на землю, а я мигом превращаюсь в статую. Вокруг меня пятеро старшеклассников, поэтому нужно действовать осторожно.

- Какого хрена тытворишь? – орет один из них на Селесту.

Подруги помогают ей подняться на ноги. Она все еще... не в себе.

За спиной у одного из парней стоит Ким с широко распахнутыми глазами. На троих спортивные куртки с нашивками в виде шершней на груди. Двое других одеты так, чтобы сходу производить впечатление: дорогие кроссовки, низко сидящие джинсы, ремни с металлическими нашлепками, толстые цепи, идущие от ремней к боковым карманам. У всех пятерых такой вид, будто они только что вышли из тюрьмы. Мало того, я замечаю, что у каждого к ремню пристегнут нож.

Тот, который орал, поворачивается ко мне, кивает в знак приветствия и ухмыляется:

- Ну привет, уродец. – Подходит ближе. – Не с теми девушками ты связался. – Еще ближе. – И не в том парке. – У него на лице густая щетина. – Эти уже заняты.

Кошусь на Ким, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Потом смотрю на парня.

- Они об этом не говорили.

- Оставь его в покое, Габриэль. – Одна из блондинок тянет его за рукав.

Он не обращает на нее ни малейшего внимания.

- А разве могли они что-то сказать, когда ты лизал им гланда?

- Вообще-то, гланда лизали мне.

На красивом лице Селесты отражается страх. Глаза становятся огромными. Она боится за меня. С одной стороны, я ей благодарен. А с другой, мне стыдно. Но глубоко-глубоко в душе мне жаль, что все произойдет у нее на глазах. Я пришел сюда, чтобы кое-кого убить, и, похоже, нарисовался первый кандидат.

Пацан срывает с моей шеи цепочку и бросает на землю. Видимо, предупреждает, что связываться с ним нехорошо.

Подходит Селеста:

- Габриэль, ему всего тринадцать.

Он громко смеется. Все смеются.

- Чушь собачья.

- Это правда. Если ты его тронешь, я вызову копов.

Габриэль поворачивается к ней, хватает за руку, рывком тянет к себе.

- Если ты целуешься с тринадцатилетним, то, может, это мне, на хрен, надо копов вызывать?

Селеста бледнеет и пытается вырваться, но Габриэль не отпускает и злобно смотрит, пока она не вжимает голову в шею. Из-под ресниц Селеста косится на меня. В ее взгляде сплошные извинения. Я смотрю на пацана, который выглядит младше остальных. Не могу понять, входит ли он в эту банду. За происходящим внимательно наблюдает, но ничего не делает.

Внезапно он отворачивается и непринужденно сплевывает на землю. Но я чувствую, как от напряжения на его мышцах туго натягивается кожа. Чего он точно не испытывает, так это непринужденности. Куртка валяется на земле, как будто он только что ее снял. Как будто знает, что сейчас начнутся неприятности.

- Тогда, может, просто налупим ему красное брюхо? – предлагает Габриэль. – Будет знать, как играть в нашей песочнице.

Не успеваю и бровью повести, как трое хватают меня и валят на землю. Если бы из меня уже не выбили все дермо, я бы, наверное, поборолся. Ну или хотя бы устроил шоу получше. В общем, пока трое прижимают меня к земле, Габриэль садится сверху.

Поначалу я почти не сопротивляюсь. Красное брюхо – ничто по сравнению с тем, что мне уже приходилось терпеть. Но, когда Габриэль усаживается сверху, что-то внутри меня ломается. Я устал от побоев. Устал от того, что меня вынуждают терпеть вещи, которые я не хочу терпеть. И охренеть как устал, что сверху всегда мужики, которые старше и больше.

Эрл знает, на что я способен. Поэтому сначала связывает меня и накачивает наркотой. Но эти парни ни о чем не подозревают.

Как только я собираюсь действовать, до меня доходит, что никто ничего не делает. Ничего не происходит. Футболка на мне разорвана, и все смотрят на мой голый живот. Даже девочки. У них открыты рты. В глазах застыл ужас.

Внутри бомбой взрывается стыд. Ко мне пытается прорваться Ким, но ее держит пацан в спортивной куртке. Он не похож на остальных. Я понял это, как только увидел всех пятерых.

- Какого хрена? – бормочет Габриэль и вскакивает на ноги.

Я стягиваю разорванные края футболки и поднимаюсь. Тот, что держит Ким, в одно мгновение переключается с чувственной заинтересованности на обжигающее желание. Он хочет меня спасти. Забрать с собой и целовать раны у меня на животе. Обнимать, пока я не стану как новенький. Можно подумать, кому-то такое по силам.

От девушек ощущаю похожую реакцию. Только у них за три секунды похоть сменяется сочувствием. Изо всех сил я стараюсь подавить разгорающийся гнев.

Пацан, чья куртка валяется на земле, встает за спиной у Ким. Он не пляится, как все остальные. Я замечаю у него в руке нож. Кому он собрался помогать? Мне? Или Ким?

Оказывается, от потасовки открылись самые свежие и глубокие раны. На футболке видны два длинных и тонких кровавых пятна. Взгляды по-прежнему прикованы ко мне.

Наконец Ким отпускают. Она бросается мне шею, а пацан, который ее держал, поднимает мою толстовку и протягивает мне. Ему тоже хочется меня обнять. Причем так сильно, что порыв отдается во мне болью.

Я забираю толстовку и отворачиваюсь. Пацан красивый до одурения, но его желания не по адресу. Были бы мы одни, я бы сказал ему, что когда-нибудь появится тот, кто ему нужен. Хотя это было бы ложью. Никто не появится, и меньше чем через два года он покончит с собой. Габриэль обо всем узнает и изобьет его до полусмерти. Этот поступок приговорит его к вечности в ад. Потому что по его вине умрет невинный человек.

Я поворачиваюсь к Габриэлю, который мрачно на меня пляится, и понимаю, что могу спасти пацана. Могу убить Габриэля прямо здесь и сейчас. И он никогда не побьет друга за то, что другу неподвластно. Друга, который еще не знает, что нет ничего плохого в том, чтобы испытывать влечение к представителю того же пола. Это не грех. Иначе каждый гей, которого я видел, был бы обречен на ад. А если такое и случается, то ничего общего с образом жизни не имеет.

Но кто знает, спасет ли это пацана от самоубийства? Вряд ли тут можно сказать что-то наверняка. А значит, есть риск. Сегодня у меня еще одно дело, поэтому я решаю не вмешиваться. Не хочу, чтобы меня арестовали до того, как добьюсь первой цели.

Все молча смотрят, как мы с Ким уходим. Пацан, чья куртка валялась на земле, тоже сваливает. Через пару шагов он надевает куртку, и я вижу на спине буквы «АМАДОР». Надо запомнить.

- Как тебя зовут? – кричит мне вслед Селеста.

- Александр, - отвечаю я, не оборачиваясь.

И вдруг Ким останавливается и оглядывается на Селесту:

- Его зовут Рейес.

Я вопросительно приподнимаю бровь, а Ким обнимает меня еще крепче.

- Тебя зовут Рейес. Рейес Александр Фэрроу.

Что ж, пусть так.

Мы подходим к краю парка и ждем. Я здесь не просто так, и причина, которая привела меня сюда, сейчас идет по парковой дорожке. Прямо к нам. Это Джиллиан, медсестра, которая понравилась мне в больнице. Если бы она не отнеслась ко мне по-человечески, я бы не стал ее искать. Но она хорошая, и я не могу оставить все как есть. Не могу, и точка.

Джиллиан говорит по сотовому, смеется и понятия не имеет, что ее вот-вот зарежут в собственном доме.

Мы идем за ней, но держимся на расстоянии, чтобы она ничего не заметила. Она все такая же красивая, как мне запомнилось. Темно-русые волосы, широкая теплая улыбка. У дома Джиллиан я оставляю Ким в кустах, а сам встаю у задней двери. Сейчас произойдет то, что я видел в больнице. Санитар влюблен в Джиллиан, но она захотела остаться с ним друзьями, и ему такой ответ очень не понравился.

Но ведь все может измениться. Я надеюсь, что в этот раз так и случилось. Понятия не имею, насколько непреклонна судьба, но подозреваю, что могло произойти множество событий, которые дадут санитару Дональду шанс пойти по другому пути. В конце концов, прошла уйма времени. Может быть, он уже кого-то себе нашел. Или научился спокойнее принимать отказы. А может, и вовсе умер от случайного разряда дефибриллятора. Короче говоря, я надеюсь на любой вариант.

Но, к сожалению, напрасно. Я его чувствую. И он уже в доме.

Дергаю за ручку двери. Само собой, заперто. Толкаю дверь плечом. Как правило, выбить дверь не проблема. Но сегодня из меня уже выколотили все деръмо, поэтому приходится повозиться. К тому моменту, когда ломаются косяки и дверь поддается, Дональд уже нанес один удар.

Они в кухне. Санитар снова поднимает нож, и Джиллиан кричит, умоляет остановиться. Я подхожу к нему сзади. Джиллиан прижимается спиной к холодильнику и огромными от страха глазами смотрит, как Дональд замахивается, чтобы всадить нож ей в сердце.

- Ты все равно отправишься в ад, - говорю я. – Зачем откладывать неизбежное?

Дональд замирает и оглядывается. Сам помогает мне сломать ему шею.

Джиллиан в панике. Бешено дышит через прикрытый окровавленными руками рот. Дональд медленно оседает на пол, и по пути я прикладываю его башкой о барную стойку.

- Когда ты вернулась, он прятался в твоем доме, - говорю я Джиллиан, уже не обращая внимания на то, как труп сваливается кучей на пол. – Напал на тебя. – Подтягиеваю ноги санитара так, чтобы можно было подумать, будто он сам упал. – Ты сопротивлялась. – На столешнице стакан с водой. – Толкнула его. – Выплюскаю воду на пол. – Он поскользнулся. Упал. Ударился головой о стойку и сломал себе шею.

Джиллиан не понимает ни слова. Сползает по холодильнику на пол и в ужасе смотрит прямо перед собой. Не знает, кого больше боится. Дональда или меня.

Я подхожу ближе, беру ее за плечи и хорошенъко трясу, пока ее взгляд не фокусируется на мне.

- Что здесь произошло?

- Что? – недоуменно моргает Джиллиан.

Еще раз ее встряхиваю.

- Что здесь произошло?

- Я... Он был в доме.

- Ждал тебя.

- Ждал меня. Напал. Ударил ножом.

Она громко ахает, когда до нее доходит, что ее на самом деле подрезали. Начинает часто дышать. Я поднимаю ее с пола и усаживаю на стул.

- Дальше что?

- Я... я его толкнула. Он поскользнулся. Упал. Ударился головой о стойку.

- Не дыши так часто. – Я кладу руку ей на спину. – Потеряешь сознание. Тебе еще скорую вызывать.

Джиллиан кивает. Она до смерти напугана, но постепенно меня узнает. По лицу вижу. Стискиваю зубы и мрачно смотрю ей в глаза. Она опять кивает – понимает меня без слов.

Я наклоняюсь и целую ее в щеку. Джиллиан хочет меня обнять, но сидит смирно. Наверное, боится испачкать мне кровью одежду. На мне толстовка, поэтому Джиллиан не знает, что я уже весь в крови.

- Звони в полицию, - говорю я.

Джиллиан гладит меня по щеке.

- Он бы меня убил.

- Звони в полицию, - повторяю я и ухожу.

Уже у самой двери слышу сказанное шепотом «Спасибо».

Я не знаю, что с ней будет дальше. Теперь ее будущее в ее руках. Дональд обрек себя на ад в ту самую секунду, когда принял решение отнять у Джиллиан жизнь. Пусть он ее не убил, но все равно отправится в преисподнюю. Я не дожидаюсь, когда развернется земля и поглотит Дональда. Однажды уже видел, как человека забрали в ад. Больше не хочу.

Мы с Ким возвращаемся в квартиру, а я всю дорогу думаю, почему так поступил. Почему рискнул ради Джиллиан. Она должна была умереть. Может быть, я как-то вмешался в космический порядок, который управляет вселенной, и через сто лет один мой поступок приведет к гибели всего нашего мира. С другой стороны, с тем же успехом я мог этот мир спасти. Нельзя знать наверняка, к чему приведет одна крошечная перемена. Цунами может обрушиться на землю потому, что где-то далеко бабочка взмахнет крыльями. Или, наоборот, не взмахнет.

Нам удается вернуться раньше Эрла. Ким опять смыывает с меня кровь. Приносит чистую футболку. Готовит спагетти. Хочет узнать, что произошло, но ни о чем не спрашивает. И это хорошо. Я все еще примиряюсь с тем фактом, что убил человека. Раз я смог сделать это один раз, то почему бы и не повторить?

Нет. Нельзя. Если меня посадят в тюрьму, Ким останется одна. Ее пережует в мясорубке приемных семей и детдомов. Сейчас я хотя бы знаю, что могу о ней позаботиться. Могу быть рядом и жить ради нее.

Глава 13

Проходит год за годом, а мы все еще существуем. С горем пополам убеждаю Эрла, что Ким нужно ходить в школу. Обещаю с три короба. И еще больше, если он и мне разрешит учиться.

В общем, через несколько недель я – старшеклассник. Одна беда – я никогда не ходил в школу. Это все равно что очутиться в незнакомой стране, зная язык, но совершенно не зная обычая. Ким дрожит от страха, когда я отвожу ее в среднюю школу. Говорю ей, что она в том же классе, что и Датч. Ручаюсь, что ей понравится. Уверяю, что буду ждать на улице, как только закончатся уроки.

Ким кивает, но я знаю, что убедить ее не удалось. Она ведь тоже никогда не училась в школе. Едва мы появляемся, к нам мчится стайка девочек. Одна берет Ким за руку, и все вместе они бегут на площадку перед зданием школы. Слава богу. Ким не успевает передумать. Переполненный чувством благодарности, я направляюсь к собственному учебному заведению, где обучаются только старшеклассники. Юкка-Хай.

Зайдя во двор, сразу замечаю, что все на меня пялятся, поэтому надеваю капюшон. Вот только в школе так ходить нельзя, поэтому наряываюсь на неприятности через каждые два метра. Приходится снимать капюшон, проходить несколько шагов и надевать снова. От взглядов это не спасает, но так мне легче их выносить. Как будто я у себя в шкафу. В безопасном темном месте. Всеми забытый.

Я прохожу регистрацию и получаю расписание уроков. Через несколько минут уже

стою в классе с кучей учеников, которые со всех сторон обстреливают меня взглядами. Опять. Сейчас идет физика. Учитель смотрит на мое расписание и представляет меня классу. Всем сразу. Я поражен до глубины души. Понятия не имел, что такое бывает на самом деле. Переминаюсь с ноги на ногу и чувствую, как горит лицо.

Слава богу, никто ничего не говорит. Учитель показывает мне свободное место, окруженное взволнованными взглядами девочек-десятиклассниц, и говорит:

- Капюшон снять.

Голос у него почему-то резче, чем у остальных.

Я сажусь за парту и снимаю капюшон. Вокруг в унисон раздается несколько вздохов. Эмоции, бурлящие в классе, тяжелым грузом ложатся на грудь. Начинаю сомневаться, что справлюсь. Со всем этим. С легкими что-то не так, и все поворачиваются ко мне. Взгляды царапают спину, натирают кожу. В некоторых столько чувственного влечения, что мне их жаль. А некоторые полны ненависти. И это моя вина. Я часто вызываю в людях беспринципную ненависть. Наверное, все дело в том, кто я. Еще один подарочек из ада. Ненависть я могу понять. А влечение... В голове не укладывается.

Учитель, мистер Стоун, сует мне учебник и тычет пальцем в номер страницы, написанный на доске. Только я уже прочел всю книгу от корки до корки. Он задает кучу вопросов по главе, которую ученики должны были прочитать вчера. Я знаю все ответы, но, поскольку я здесь впервые, меня не спрашивают. Видимо, мне должно быть зверски страшно. Но вряд ли эта ситуация надолго затянется.

Все занятия проходят практически одинаково. К обеду я все еще чувствую себя не в своей тарелке и всерьез сомневаюсь, что это когда-нибудь изменится. Мой мир всегда был очень маленьким, сосредоточенным в одной конкретной точке. А сейчас как будто в концентрат добавили воды.

Все спешат. Кто в столовую, кто на стоянку. Я просто иду на улицу. Скамеек кот наплакал, и на большинстве уже сидят, поэтому нахожу тихий угол с пятном все еще зеленой, несмотря на холод, травы. Сажусь прямо на землю, и вдруг рядом раздается голос:

- Как жизнь, *sabréon*²?

Я поднимаю голову, прикрываю рукой глаза от солнца и вижу какого-то пацана. Он подходит ближе. Не сразу, но я его все-таки узнаю. Он был в парке. Пять лет назад. Его куртка валялась на земле. Амадор. Понятия не имею, узнал он меня или просто проявляет дружелюбие. Молча киваю в знак приветствия, и он садится рядом. Разворачивает толстую трубку из фольги. Достает буррито. От запаха рот наполняется слюной.

Амадор предлагает поделиться. Я качаю головой. Денег на обед у меня нет, но я не голоден. По крайней мере сам себя в этом убеждаю. Тем не менее, он отламывает ровно половину и сует мне. Я опускаю глаза и беру.

От остальных учеников Амадор ничем не отличается, но все-таки совсем на них не похож. Настолько, насколько Датч не похожа на меня. В нем есть какое-то особенное спокойствие. Тихая вода под бурными волнами. Его присутствие умиротворяет.

Мы едим в полной тишине. Потом Амадор достает из кармана моей толстовки расписание, просматривает, киваю и отдаю обратно:

- У нас два урока совпадают.

Я тоже киваю:

- Круто.

Мы валяемся на траве и весь остаток перемены смотрим, как по небу проплывают облака. Амадор пользуется популярностью. Все, кто проходит мимо, здороваются с ним. Он машет. Пожимает руки. Приветственно тычется кулаком в чужие кулаки. В зависимости от ситуации.

Звенит звонок. Мы поднимаемся и отряхиваемся, перед тем как идти на следующий урок.

² (Исп.) Чувак; старина; неудачник; гад.

Заходим в здание школы, идем по коридорам, но Амадор ни с кем из встречающихся по пути меня не знакомит. Хотя заметно, что им любопытно. Они смотрят сначала на меня, потом на него. В основном, конечно, девушки. Он не обращает на их любопытство внимания. Меняет тему. Отвлекает шутками.

После обеда всего два урока, потому что перемена у нас была не первая, а вторая, которая позже. Идет история, и мне очень хочется сказать учителю, что он неверно произносит имя короля Христиана Десятого³, но я молчу. Из-за того, что я новенький, мне опять дают возможность просто отсидеться. Надо радоваться тому, что есть.

После последнего звонка мы с Амадором жмем друг другу руки и прижимаемся плечом к плечу в дружеском полуобъятии, а потом расходимся в разные стороны.

- Эй! – вдруг кричит он мне в спину, и я оборачиваюсь. – Помнишь, как меня зовут?

Впервые за весь день я улыбаюсь:

- Амадор.

Он смеется:

- Точнее, мистер Рейес Александр Фэрроу, Амадор Санчес. Как дела у сестры?

- Хорошо. Завтра увидимся?

- Еще как увидимся, – подразнивает в ответ он.

Совершенно ошарашенный, я смотрю, как он уходит. У меня никогда не было настоящего друга. Гляжу на часы и понимаю, что опаздываю.

Когда я забираю Ким, она вся сплошной комок гудящих нервов. Жутко перепуганная, но школа – это именно то, что ей нужно. Ей необходимо общаться с людьми. Заводить друзей. Быть обычным ребенком.

На следующий день Ким идти в школу не хочет. А я не могу дождаться. Завуч все еще ждет, когда ей перешлют записи из моей предыдущей школы. Наверное, мне удастся ее помариновать еще несколько недель. Где-то слышал, что на почте вечно все теряется.

А пока завуч хочет устроить мне экзамен. Никогда в жизни у меня не было настоящих экзаменов, но постепенно они начинают мне нравиться. По крайней мере до тех пор, пока физик, мистер Стоун, не устраивает мне тест, чтобы оценить уровень моих знаний. Яправляюсь на «пятерку». Со всеми тестами и экзаменами. Может быть, поэтому я так люблю их сдавать. Но мистер Стоун обвиняет меня в списывании и ведет в кабинет директора. Утверждает, что я никак не мог получить за тест «пятерку», потому что некоторые темы изучают только на выпускных курсах в колледже. Требует отчисления.

Я слышу, как они разговаривают за стеной. Директор уверяет, что завуч тоже проверяла мои знания, и результаты оказались выше ожидаемых. Не понимая, чем мне это грозит, я сижу под кабинетом с самодовольным видом.

Через два месяца я узнаю, что в школу притащились двое мужиков из правительства, чтобы провести какие-то свои тесты. Прикидываюсь, будто подхватил грипп. Это легко. Температура у меня всегда чуть-чуть выше нормальной. Всю дорогу до школы Ким я бегу, забираю сестру, и мы вместе спешим домой.

Короче говоря, мое обучение длится всего три месяца, но я убеждаю Ким продолжать ходить в школу. Потом мы опять переезжаем, и ходить пешком становится слишком далеко. Автобусов Ким боится до смерти. Хочу узнать почему, но думаю, она сама все расскажет, когда будет готова.

Недалеко от нового жилья есть еще одна школа, и мы записываем Ким туда. Вожу ее каждый день. Поначалу та же история. Ей страшно, не хочется возвращаться и начинать все заново. Но со временем все устаканивается, и Ким с нетерпением ждет каждого нового дня. Школа становится для нее необходимым, как воздух, убежищем.

Мы с Амадором продолжаем общаться. Дважды в неделю он прогуливает уроки и навещает меня. Мы ходим в скейтерский парк или торговый центр. Иногда подрезаем

³ Христиан X – король Дании с 14 мая 1912 и король Исландии с 1 декабря 1918 по 17 июня 1944 (под именем Кристиана I).

понемногу налички на обед. Когда Амадора нет, я нахожу спокойное место и отправляюсь в мир Датч. Однажды она сидит на улице и читает. Легкий ветерок задувает ей в глаза волосы. Они прилипают к блеску на губах. Точнее к тому, что от него осталось, потому что Датч то и дело прикусывает нижнюю губу.

Датч заправляет прядь за ухо, но через пять секунд волосы снова падают на лицо. Однако она так поглощена книгой, что едва замечает.

Поначалу я зачарован. Волосами, пальцами, ногами. И тем, что Датч читает, не шевеля губами. На ней клетчатая юбка, блузка на пуговицах и туфли на ремешке. Классическая форма католической школы. Я не показываюсь, но подбираюсь поближе, чтобы узнать, что за книгу она читает. О чем бы там ни писали, из-за книги Датч становится влажной. У нее стягивает живот. Внутри разливается жар, сравнимый разве что с адским пламенем. Все пульсирует от возбуждения. Мне трудно сосредоточиться на чем-то еще, кроме того, что у Датч раздвинуты колени, и она быстро-быстро дышит.

Наконец удается рассмотреть название («Любовь сладка, любовь безумна»⁴), и я мысленно делаю себе пометку обязательно раздобыть эту книгу.

Если бы мог, я бы появился прямо перед Датч и удовлетворил все ее потребности. Заставил бы корчиться от удовольствия. Подарил бы ослепительную разрядку. Но она ужасно меня боится, потому я решаю не рисковать и оставляю ее наедине с самой собой.

У меня тоже есть потребности, и сейчас я должен успеть забрать из школы Ким.

Для нас наступили золотые времена. Эрл достает меня гораздо реже. На него накатывают периодами, но, пока я выжила и могу под конец дышать, ради Ким стерплю что угодно. Время от времени темная сторона Эрла поднимает свою уродливую голову. Он стал еще более агрессивным и жестоким. Алкоголь и наркотики медленно пожирают остатки его мозга, поэтому настроение меняется в мгновение ока. Бывают дни, когда я выгляжу так фигово, что не могу ни проводить Ким в школу, ни встретиться с Амадором. Но таких дней немного.

Однажды после уроков Ким всю трясет. С нами Амадор, но он не замечает, в каком она состоянии. Наспех обнимает ее и бежит на остановку, чтобы не пропустить автобус. Когда он уезжает, я спрашиваю у Ким, что стряслось.

- Я сегодня ходила к директору.

Меня тут же затапливает тревогой. Синяки под глазами у Ким темнее. Кожа – бледнее, чем обычно. Беру ее за плечи и разворачиваю лицом к себе:

- Что случилось?

- Ничего. Просто вызвали к директору.

- Зачем?

Она пожимает плечами:

- Там была завуч. Приятная женщина, но задавала много вопросов.

По спине ползет страх. Как будто по коже провели обжигающее холодным куском льда.

- Что конкретно она хотела узнать?

- Она... - На глазах Ким появляются слезы. – Она спрашивала, хорошо ли мне дома, достаточно ли я ем. И все в таком духе.

Я отворачиваюсь и матерюсь себе под нос.

- Я сказала, что все в порядке. Что у меня все хорошо.

Если Ким заберут, я не смогу ее защищать. В некоторых детдомах жизнь хуже, чем та, что у нас сейчас есть. С Эрлом я хотя бы могу за нее приглядывать. И он ее не трогает. В эту степь его совсем не тянет.

До моего появления его волновали только мальчики. Каждые пару лет он покупал нового, а потом перепродаивал одному из своих друзей. А меня оставил. Я ему не надоедаю. Ничего не изменилось, и когда я перерос его предпочтения. Даже когда сильно перерос.

⁴ Роман Розмари Роджерс.

Так что я уверен хотя бы в одном: пока мы живем с Эрлом, такое внимание Ким не грозит. Если же власти что-то заподозрят, начнется расследование. Ким заберут у Эрла. У меня. И она может оказаться в еще худшой ситуации.

Я хватаю ее за руку, и мы бегом мчимся подальше от школы. Не могу удержаться и постоянно оглядываюсь.

- Это еще не все, - говорит Ким, пока я буквально тащу ее за собой.

Она запыхалась, и я чуть-чуть замедляюсь.

- В смысле?

- О тебе она тоже спрашивала. А потом пришла директриса, и они вместе спрашивали... спрашивали, все ли с тобой в порядке.

Останавливаюсь и в упор смотрю на Ким:

- Со мной?

Она кивает.

- С каких хренов?

Ким опускает голову.

- Ким! Ты им что-то сказала?

- Нет! – спешит заверить она. Мог и не спрашивать. – Клянусь! Только... Наверное, на прошлой неделе тебя видел кто-то из учителей.

Я стискиваю зубы. На прошлой неделе она три дня не ходила в школу. Эрла тогда уволили. Он временно устроился сторожем на складе и выместили всю злость на мне. Пришлось ждать три дня. Ким отказывалась оставлять меня одного, а я не мог рисковать и показываться на глаза людям в виде избитого месива. Мне казалось, что прошло достаточно времени и синяки стали менее заметными. Видимо, я ошибался.

Мы бежим домой. Знаем, что будет дальше. Эрл потерял дерьмовую работу, значит, не сможет платить за жилье. Любой работе он предпочитает кого-нибудь ограбить или даже убить. Скорее всего нам опять придется сбегать посреди ночи.

Через два дня мы сбегаем. Посреди ночи. Иногда домовладельцы по несколько дней не подозревают, что мы испарились. Но Эрлу, как правило, хватает всего пары часов.

Он выбивает в стене дыру и законопачивает туда фотографии. Мне легче дышать. Эти хуже всех, что он делал раньше. Когда-нибудь он точно меня убьет. Надо всего лишь продержаться достаточно долго, чтобы увезти Ким в безопасное место. Став старше, она сможет заполнить документы на избавление от опеки. Но в Нью-Мексико для этого ей должно быть хотя бы шестнадцать.

Предупредить Амадора о переезде я не успеваю, но у меня есть номер его телефона. Звоню из отеля, где мы ночуем, и оставляю сообщение. Говорю, что научный проект перевели в другое место. Амадор знает, что это значит. Я свяжусь с ним, как только смогу. И он никогда ни о чем не спрашивает. Лучше не придумаешь.

К девятому классу Ким превращается в красивую юную девушку. Ей нравятся уроки рисования, французского языка и истории. Датч тоже в девятом классе. Ей нравятся парни с разрисованными телами, французы и привлекательные герои из исторических любовных романов. Так что у них много общего.

Вместе с Амадором я устроился на работу в автомастерскую, а еще хожу на вечерние занятия. Но по-прежнему каждый день провожаю Ким в школу. Точнее почти каждый день. Иногда все еще случаются плохие, но так редко, что я их практически не замечаю. Эрл теряет надо мной контроль и прекрасно это понимает.

К сожалению, Ким догадалась, что я остаюсь только из-за нее. И ее пожирает чувство вины. Особенно в такие дни, как сегодня.

Я не иду на работу, а она не идет в школу. Говорю ей пойти, но она отказывается. Приносит мокрое полотенце и помогает залезть в ванну. Мне стыдно. Я говорю ей, что все путем. Что бывало и хуже. Ким притворяется, будто верит, но на самом деле с трудом сдерживает слезы. Впрочем, дыхание ее выдает, и время от времени по щеке стекают слезинки. Руки у нее дрожат, пока она мочалкой трет мне спину. Я стараюсь не морщиться.

Иначе Ким будет еще хуже.

Когда с отмыванием покончено, она смазывает какой-то мазью натертые веревками следы. Я не говорю о том, что у меня сломано запястье. Все равно через пару дней срастется. На самые глубокие порезы Ким клеит скотч. Похоже, именно от него пользы больше, чем от всего остального.

Веки тяжелеют. Я стараюсь не уснуть, чтобы побывать с Ким, но внезапно для самого себя проваливаюсь в темноту и лечу на поиски света. На поиски Датч. Она в школе. Может быть, теперь в мечтах явижу ее в школе только потому, что Ким тоже учится.

Две школы похожи друг на друга, но в то же время совершенно разные. Стены в школе Датч кажутся ярче. Дети одеты лучше. Я никогда не представлял Датч богатой, но уж точно ей никогда не приходилось носить грязную одежду. И меня это радует. Не хотел бы для нее такой судьбы. Если бы мог, я бы сделал ее богатой, но почему-то не могу подчинять мечты собственной воле.

Датч в школьной уборной. Красит губы. Водит помадой по пухлым изгибам, потом разглаживает средним пальцем. На ней блузка, короткая юбка и ботинки. Выглядит Датч как ходячийекс. Интересно, с каких пор она стала казаться мне сексуально привлекательной? В голове бьется мысль, что это ненормально.

Вдруг замечаю, что Датч меня видит. Опускает руки и смотрит на мое отражение в зеркале. Ясное дело, я укутан в плащ, на голове – капюшон, так что лица ей не разглядеть. Но она все равно смотрит прямо на меня.

Звенит звонок, другие девочки выходят из уборной, но Датч остается, словно к месту приросла. Она все еще понятия не имеет, кто она такая. Знает только, что должна помогать покойникам справляться с проблемами и переходить на ту сторону. Но даже не подозревает, что она – ангел смерти, которому предначертано выполнять свою работу даже после гибели. Как и всем остальным ангелам смерти.

Я решаю ее просветить.

Встаю ногами на пол, жду, пока угомонятся полы плаща, и подхожу ближе. Датч превращается в статую. Не знает, что обо мне думать. Девочка, которая не боится никого и ничего на свете, дрожит от страха при виде труса, прячущегося за слоями дыма.

Я наклоняюсь. Датч пахнет клубникой и кофе. В воздухе витает едва заметный шлейф каких-то духов. Она совершенно неподвижна. Наблюдает. Ждет.

Нечаянно задев губами мочку ее уха, я тихо шепчу:

- Ты – ангел смерти. Ты будешь жить вечно. Много-много веков тебе предстоит переправлять души на другую сторону. И ты изумительная.

Датч не понимает ни слова. Только молча смотрит вперед огромными глазами.

До меня доходит, что мы здесь не одни. Рядом стоит какая-то женщина. Что-то говорит Датч. Щелкает пальцами у нее перед носом, чтобы привлечь внимание. Угрожает каким-то «билетом в один конец», что бы это ни значило.

Я берусь за рукоять меча, и Датч мигом приходит в себя. Качает головой. Умоляет одним взглядом.

- Мисс Дэвидсон, - сквозь зубы цедит женщина и наклоняется нос к носу с Датч.

Датч медленно поворачивается, но ее взгляд прикован ко мне. Она боится, что я разрублю тетке позвоночник. А зря. Женщина – конченая сука.

Ну да ладно. Я зачехляю меч. Тетка явно не шутит, строго говорит:

- В кабинет к директору. Живо! – и выводит Датч из уборной, а Датч всю дорогу оглядывается на меня.

Никак не могу понять, почему она так меня боится. Это же всего лишь мои мечты. Правда, в них у Датч постоянно какие-то неприятности. Как будто она из них создана. То она чуть не погибает, когда пытается помочь кому-то из призраков, то ее чуть не убивает один из одноклассников.

Встреча длилась каких-то несколько секунд, но свет опять свое дело сделал. Исцелил меня. По крайней мере я так думаю. Иначе на мне бы точно так быстро все не заживало. Но

даже если свет и не лечит, то однозначно помогает не спятить. Не слететь с катушек и не разорвать весь мир на клочки.

Глава 14

После встречи с Датч в уборной я возвращаюсь в свой мир. Дни душные и липкие. Не от жары – на улице холодно. А от напряжения. Что-то произошло, и из-за этого Эрл на грани. Требует больше, чем обычно, а если не соглашаюсь, расплачивается Ким. Никакая боль не помешает мне ее спасти. Она отсюда выберется и всего добьется. Сейчас в школу Ким не ходит, но я все равно достаю учебники, заставляю ее читать и выполнять упражнения. Может быть, Гарвард ей и не светит, но она поступит в колледж, чего бы мне это ни стоило.

Из-за ожесточенных требований я вижу Датч все чаще и чаще. Представляю, как она взрослеет, и мой интерес растет. Тоже взрослеет. Становится глубже, примитивнее, чувственнее. Создание, которое я вылепил в своих мечтах, поразительно. Датч гордая, сильная и непоколебимая, но часто попадает в опасные ситуации. Иногда все едва не кончается самым плачевным образом. После того случая с извращенцем, который похитил ее в четыре года, я еще несколько раз приходил ей на помощь.

Как-то одноклассник пытался переехать ее на джипе. Тот случай стал одним из самых зрелищных моих появлений. На огромной скорости машина мчалась прямо на Датч, которая успела повернуться как раз вовремя, чтобы увидеть, как я появляюсь прямо перед джипом и разбиваю лобовое стекло.

Пацана арестовали, но не за то, что он пытался кого-то убить. Датч никому не рассказала, что целью была она. Она не понимает, почему одноклассник так поступил, но чувствует его обиду. Я тоже чувствую, но это ни хрена не значит. Покушение на убийство есть покушение на убийство. И за это пацана прикончить мало.

Тем не менее, жизнь идет своим чередом. Однажды ночью Эрл возвращается домой пьяный и злой. Он всегда пьяный и злой, но сегодня его буквально трясет. Врывается к нам в комнату и орет, чтобы мы прибрались в квартире. Здесь мы совсем недавно. Только переехали из маленького гаража, где жили в обмен на ремонт дома и кое-какую работу во дворе. Правда, Эрл ни разу палец о палец не ударил, поэтому в итоге хозяйка нас выгнала. С тех пор он злой как черт.

Не знаю, что его вывело из себя сегодня, но наверняка что-то очень серьезное. Эрл просто в ярости. На нем грязная майка и грязные трусы. Он хватает меня за футболку и сдергивает со спального мешка, на котором я сижу. Ким уже проснулась. Жмется на матрасе в угол, подтянув колени к подбородку и закрыв руками уши.

Она качает головой. Молится, чтобы Эрл просто рассердился и действительно хотел только заставить нас прибраться, а не чего-то еще. Но молитвы остаются без ответа.

Эрл толкает меня в кухню. В глазах мутнеет, и я пропускаю первый удар в челюсть, от которого вписываюсь спиной в стену. От Эрла воняет, как в сортире, и я едва не задыхаюсь, когда он подается ближе и гладит мне член прямо через спортивные штаны.

Сегодня я, мягко говоря, не в настроении для такого деръма, поэтому бью его в лицо локтем. Голова отскакивает назад, и мне удается выбраться, но Эрл хватает меня за волосы, прижимает к груди и свободной рукой обнимает за талию.

- Или ты, или она, - бормочет он, обдавая меня горячим зловонным дыханием.

А потом запускает руку под пояс штанов. Только сейчас я не под наркотиками и не связан. Всерьез думаю убить Эрла. Для этого не нужно даже напрягаться, но что тогда будет с Ким? Могут ли ее у меня отобрать? Конечно, могут. Мы ведь даже не родственники. У меня на нее никаких прав.

Эрла я решаю не убивать, но ни за какие ковриjки не буду молча валяться на полу и считать барапов. Поэтому разворачиваюсь и бью. Сильно. Уверен, что сломал ему челюсть, но он слишком пьян, чтобы это понять. Хватает меня за горло здоровенной лапой, впечатывает в стену и бьет, бьет, бьет. Кажется, у него не кулак, а булыжник.

Но проблема номер один – это воздух. Легкие горят. Я хватаюсь за руку на горле, а Эрл продолжает меня колотить. Голова бьется о стену. Колени подкашиваются, но буквально на пару секунд. Я пытаюсь блокировать удары и вдруг, когда открываю глаза, замечаю что-то на улице. Прямо за окном. На мгновение прищуриваюсь и вижу девушку, которая заглядывает в кухню. Я злобно смотрю на нее в ответ, потому что внезапно наполняюсь яростью от того, что она все это видит. Что это вообще кто-то видит. А потом получаю еще один удар.

Мы с Эрлом падаем на пол, и я понимаю, что все кончено. Он получит то, чего хочет. Как всегда.

В глазах муть, в ушах шумит, но я слышу, как разбивается кухонное окно. Моргаю, чтобы прийти в себя, и снова вижу девушку. Пол-лица прикрывает шарф, волосы спрятаны под шапкой.

Она кричит, что вызовет полицию, и Эрл вскакивает на ноги. Я пользуюсь шансом и бегу в спальню. Эрл не отстает.

- Беги! – кричит мне Ким. – Быстрее!

И я бегу. Как последний трус, бросаюсь к двери. Эрл спотыкается и больше не дышит мне в затылок, но я не останавливаюсь. Выскакиваю в коридор, мчусь мимо других квартир и через заднюю дверь вылетаю на улицу, где врезаюсь в забор из рабицы вокруг дома. Чтобы не упасть, хватаюсь пальцами за проволоку и босиком иду по замерзшей земле. Мне удается добраться до мусорного контейнера. Что ж, как раз подходит к ситуации. Падаю на четвереньки и пытаюсь унять разогнавшийся пульс. Несколько раз меня всухую выворачивает наизнанку. Дышу резко и часто, потому что воздух по пути в легкие прожигает горло.

Я слышу, что кто-то идет, но это не Эрл. Его шаги я знаю. Знаю, как он ходит по ковру, по дереву, по щебню. Шаги, которые я сейчас слышу, легче. К тому же идут две пары ног. Они останавливаются возле меня. Я чувствую чужое беспокойство. Но мне это нужно меньше всего не свете. Не хочу я ни сострадания, ни жалости.

Поднимаю голову, но ничего не вижу из-за направленного на меня света. Сердито смотрю на подошедших. На нее. Она отвлекла внимание Эрла и теперь должна бежать куда глаза глядят. А если думает, что он не убьет ее только из-за смазливого личика, то очень сильно ошибается. Я видел, как он убивает человека за гораздо меньшее, чем разбитое окно. Тот человек хотел меня. Сломленного мальчика. Но хотел не так, как Эрл. Только несколько лет спустя я понял, что он хотел спасти меня от Эрла. И подобрался слишком близко. Задавал слишком много вопросов. Слишком много узнал. И заплатил самую страшную цену.

Но девушка продолжает стоять на месте. Как будто разбитым окном и угрозой вызвать полицию Эрла можно остановить.

Я прикрываюсь рукой. Они думают, что все из-за света, который направлен на меня, и опускают то, что держат в руках. Но дело вовсе не в этом. Я прикрываюсь от ее света. Потому что никогда не видел его в действительности. Он ослепительно яркий и прекрасный. За те пару секунд, что мы смотрим друг на друга, рот наполняется кровью, и я отворачиваюсь, чтобы сплюнуть, а потом снова смотрю на двух спасительниц.

- Ты как? – спрашивает она.

В ушах все еще звенит, но я бы в любых обстоятельствах узнал этот мягкий, женственный голос. Голос Датч. Такой же, как у меня в мечтах. Хотя, видимо, я только думал, что это мечты.

Я пытаюсь встать, но под ногами колышется земля. Датч бросается на помощь, и я отшатываюсь. Ужасно, что она видит меня таким. Уязвимым. Избитым.

- Надо отвезти тебя в больницу, – говорит она.

Я опять сплевываю и захожу в узкий проулок между домом и каким-то заведением. Меня трясет. Датч думает, что от холода. Идет за мной вместе с сестрой, Джеммой, которая так сильно вцепилась в рукав ее куртки, будто это спасательный жилет. Джемма тоже дрожит. От холода и от страха одновременно. Ну, хоть у нее есть богом данный инстинкт

самосохранения.

- Послушай! – кричит мне вслед Датч. – Мы видели, что случилось. Тебе надо в больницу. Наша машина совсем рядом.

- Проваливай, - наконец говорю я, стараясь не выдать голосом, как мне больно.

С трудом залезаю на какой-то ящик, цепляюсь за подоконник и заглядываю в окно. Ким все еще там. Раньше Эрл никогда ее не бил, но это вовсе не значит, что не станет и теперь. Когда он настолько зол и пьян, единственной ошибкой было бы недооценить его.

- Ты собираешься туда вернуться? – ошалело спрашивает Датч. – Совсем спятил?!

- Чарли, - шепчет Джемма, - может, просто уйдем?

Само собой, Датч не обращает на нее внимания.

- Тот мужик тебя чуть не убил.

Я бросаю на нее злой взгляд и снова поворачиваюсь к окну.

- Какую букву в слове «проваливай» ты не поняла?

Датч колеблется, не знает, что еще сделать. А потом принимает решение. Неверное решение.

- Я звоню в полицию.

Я резко разворачиваюсь, спрыгиваю с ящика и приземляюсь прямо перед ней. Не очень сильно, но так, чтобы она почувствовала, беру ее за горло и толкаю спиной на кирпичную стену.

Несколько долгих секунд я просто смотрю. В голове одновременно толпятся тысячи мыслей, и только малая часть из них о том, что она, Датч, настоящая. Из плоти и крови. Ее свет проникает прямо под кожу и в ту же секунду начинает меня исцелять. Я успокаиваюсь. Дышу медленнее. В голове проясняется.

Не знаю, что и думать. Думаю только о том, что настоящая она красивее, чем я себе представлял. И она меня видела. Настоящего меня. Без капюшона и плаща, под которыми я мог бы спрятаться. Видела, как я живу.

Кажется, Датч не понимает, кто перед ней стоит. Знает ли она, что я существую на самом деле? Может, как и я, она думает, что я всего лишь плод воображения. Нечто, призванное помочь ей уживаться с действительностью. А может, она думает, что я страшное чудовище, прячущееся у нее под кроватью.

Да нет. Ей хватит ума не верить в такую чушь. Она сильнее меня. Встречает реальность с поднятыми кулаками, в то время как я трусливо прячусь в шкафу. Она могущественнее во всех смыслах, и мне никогда ее не догнать.

Я не хочу, чтобы она видела меня таким. Покрытым кровью и хнычающим, как мелкий сучонок. Надо отделаться от Датч и убедиться, что с Ким все в порядке. Если придется, я пойду обратно и сверну Эрлу шею. Есть у меня подозрения, что он прекрасно это понимает. Может быть, потому и не трогает Ким.

Как бы то ни было, первым делом надо избавиться от ангела, который стоит передо мной.

- Не самая удачная идея, - говорю я.

- Мой дядя коп. Папа тоже служил в полиции. Я могу тебе помочь.

Я насмешливо ухмыляюсь. Нужно припугнуть ее, унизить, чтобы поняла, что мне от ее предложения ни холодно, ни жарко.

- Как только мне понадобится помочь избалованной неженки из Хайтс, я дам тебе знать.

Мои слова ее обескураживают, но ненадолго. Датч с вызовом задирает нос. Я так часто это видел, что хочется застонать вслух.

- Если ты туда вернешься, я тут же вызову полицию. Я не шучу.

Я раздраженно стискиваю зубы.

- Ты причинишь больше вреда, чем пользы.

Она качает головой:

- Очень сомневаюсь.

- Ты ничего не знаешь ни обо мне, ни о нем.

- Он твой отец?

Так я ничего не добьюсь. Но есть один стопроцентный способ избавиться от девушки.

Ужасно не хочется так поступать, особенно учитывая, что я только что выбрался из ада. Из ада, от которого она меня спасла. Но выбора нет. Я снова беру Датч за тонкую шею, опускаю голову и смотрю ей прямо в глаза. Наверное, так смотрит пантера перед тем, как наброситься на газель.

Датч застывает. Она полностью в моей власти. Я прижимаюсь к ней всем телом и шепчу на ухо:

- Как тебя зовут?

- Чарли, - отвечает она, наконец уступив страху.

Я стягиваю вниз ее шарф, чтобы лучшее рассмотреть лицо и губы. Чтобы запомнить каждую черточку. Она пытается добавить «Дэвидсон», но от изумления получается один невнятный слог. Поразительно, но звучит он очень похоже на имя, которое я ей дал. Совпадение?

- Датч? – хмурюсь я.

Несколько секунд она смотрит на меня. От мерзлого декабрьского воздуха ее глаза кажутся стеклянными. С ног до головы ее окатывает дрожью.

- Нет, Дэвидсон, - шепчет она, когда я опускаю руку и намеренно задеваю ее грудь.

Датч вздрагивает, но в крошечном пространстве между нами я ощущаю искорку желания.

Жаль, что нам это не светит.

И ужасно жаль, что я должен так поступить. Но все-таки беру себя в руки, снова наклоняюсь ближе, к самому уху, и еле слышно спрашиваю:

- Тебя когда-нибудь насиловали, Датч?

Никогда в жизни я не стал бы ее насиловать. И не сделал бы ничего, что причинило бы ей боль. К счастью, она этого не знает.

Резко втягивает холодный воздух сквозь стиснутые зубы и сжимает кулаки. Косится на сестру, которая уже дошла до крайней точки ужаса, и выдыхает:

- Нет.

Я ощущаю, как в Датч неистово бурлит целый океан эмоций. Каждая хочет взять верх. Но лишь немногие могут одолеть жажду жизни.

Я крепче сжимаю ей горло, раздвигаю коленом ноги, чтобы получить доступ к самому сокровенному. Кладу руку ей между ног и глажу прямо через джинсы. Прикасаюсь к ней, как будто имею на это право.

Обеими руками она хватает меня за запястье.

- Пожалуйста, не надо.

Я застываю, но руку не убираю. Датч легонько толкает меня ладонью в грудь.

- Пожалуйста...

- Ты уйдешь?

- Уйду.

Еще несколько драгоценных секунд я впитываю ее образ, а потом упираюсь руками в стену над ее головой и резким тоном, словно предупреждая, что это ее последний шанс, говорю:

- Иди.

На этот раз Датч не теряет времени даром – ныряет мне под руку и мчится прочь, по пути прихватив сестру. Вдвоем они бегут со всех ног, как перепуганные кошки, лишь бы оказаться подальше от меня. В какой-то момент я с трудом подавляю порыв позвать Датч обратно. Упасть к ее ногам. Закончить начатое. Но тут меня осеняет: может быть, я больше похож на Эрла Уокера, чем всегда думал.

До утра я сижу на улице неподалеку от дома. Снова и снова прогоняю в уме план, который мы с Амадором придумывали несколько месяцев.

Эрл давно хочет меня убить. Чувствует, что теряет надо мной власть и, чем крепче сжимает кулак, тем быстрее я скользю сквозь пальцы. Знает, что рано или поздно я заберу Ким и свалю. Побег я планирую уже пару месяцев. Точнее уже много лет, но сам план начал осуществляться несколько недель назад.

Пора.

Вот только наутро попасть обратно в квартиру не получается. Эрл запер все замки, а просить Ким выбраться из дома, чтобы впустить меня, слишком рискованно. Всю ночь она сидела у окна нашей спальни, смотрела на меня и старалась не уснуть. Но к четырем утра сон ее все-таки одолел.

Едва солнце окрашивает горизонт ярко-оранжевыми полосками, я тихонько стучу в окно. Эрл прохрапит еще пару часов. Не будь на окне решеток, я бы уже забрал Ким, но теперь придется за ней вернуться. Амадор будет ждать.

Ким поднимает голову, сонно моргает и приоткрывает окно, но я жестом ее останавливаю и шепчу:

- Не надо. Он может проснуться.
- Ничего подобного. Пойду, открою дверь.
- Нет. Все в порядке. Тем более домовладелица может вызвать полицию. Мы с Амадором договорились о встрече.

Ким проталкивает сквозь щель пальцы, и я крепко их сжимаю.

- Ким, она настоящая.

- Говорила же, - улыбается сестра.

Я еле слышно смеюсь:

- Было дело.
- Ты должен ей сказать.
- Что сказать?
- Что ты ее любишь.

- Ага. – Босой ногой я выбиваю камень из-под ящика. – Я угрожал ее изнасиловать. Сомневаюсь, что она захочет услышать от меня признания в любви.

- Я все видела. И знаю, почему ты так поступил. Разреши мне пойти с тобой!

- Он может проснуться, солнце. А я не хочу, чтобы ты оказалась между двух огней. К тому же мне еще нужно кое-что доделать. Я обязательно за тобой вернусь.

- Вот, держи. – Ким открывает окно пошире и передает мне чистую футболку, ботинки, носки и куртку.

- Спасибо. Вернусь, как только смогу. Мы почти закончили с машиной.

Сестра кивает. Эрл ее пугает, но боится она не за себя. Я отворачиваюсь, чтобы уйти, но в затылке покалывает, поэтому я останавливаюсь:

- Если со мной что-нибудь случится, свяжись с Амадором. – Опять беру ее за руку. – Он знает, что делать.

Ким снова кивает.

Я ухожу, понимая, что в квартире чересчур тихо. Что-то не так. Грядет что-то очень-очень плохое.

Проходит почти целый день. Мы с Амадором практически починили машину. Остается только достать вентиляторный ремень, а ближайший магазин запчастей закрыт.

Но это ничего. В голове бьется мысль, что нужно еще раз увидеть Датч во плоти. Я должен ее найти. Должен хотя бы попытаться все объяснить. Одна беда – никогда в мечтах я не обращал внимания на адрес.

Я иду в библиотеку, сажусь за первый же свободный компьютер и начинаю искать. Все по-настоящему. Ее имя. Смерть матери в родах. Сестра. Отец. Дядя. Конченая мачеха. Все-все по-настоящему.

Они живут в Хайтс. Это я уже знаю. Знаю каждый уголок и каждую щель в ее доме. Знаю, что находится вокруг, где она учились ездить на велосипеде. С кем дружит, что любит есть, с кем встречалась и даже с кем успела переспать. Не знаю только долбаного адреса.

В конце концов я нахожу какой-то адрес, но беспокойство продолжает зудеть. Весь день прошел странно, как будто во вселенной что-то сдвинулось.

Чувствую, что должен идти. Закрываю глаза и ищу Датч. Она с друзьями. Похоже, все в порядке, пока не появляюсь я. Заметив меня краем глаза, Датч напрягается, поэтому я ухожу. Но если дело не в ней, то в чем?

Ким! Я резко выпрямляюсь. Он бы не стал. Наверняка бы не стал.

Бросаюсь на улицу и всю дорогу до дома бегу. Но там уже никого нет. Эрл упаковал чемоданы и свалил вместе с Ким. Домовладелица отчаянно колотит в дверь. На голове клоками торчат обесцвеченные и сухие, как солома, волосы. Женщина оборачивается, но я прячусь. Она меня не видит. Открывает дверь. Я жду, когда она войдет в квартиру, и только потом осмеливаюсь подобраться ближе. Внутри нет ничего, кроме обычных следов. Разбросанный мусор. Старый носок. Футболка. Внезапно я застываю. В стене дыра. Значит, там последние фотографии. Одни из самых жутких. После того раза я выздоравливал почти две недели.

От желчи дерет горло. Эрл ее забрал. Сотни раз он угрожал убить Ким, если я брошу ему вызов, а я не верил.

Пока домовладелица меня не увидела, я выхожу на улицу через заднюю дверь, но уже через пару метров падаю на колени и задыхаюсь. На глаза наворачиваются слезы. Я хватаюсь обеими руками за голову и делаю то, что делаю крайне редко. Плачу. В груди болит от тяжелых, глубоких рыданий. Так продолжается несколько долгих минут. Хочу кричать во всю глотку. Нет. Хочу убивать.

От эмоций меня с ног до головы трясет, но я беру себя в руки. Теперь у меня только одна цель. Эрл сдохнет. Если хоть пальцем ее тронул, сдохнет.

Понятия не имею, куда бежать, но все схроны Эрла я знаю как свои пять пальцев. Первым делом иду в бильярдную. Потом – в два его любимых бара и домой к его подружке. Все без толку. Когда солнце почти за горизонтом, я побывал везде, где только мог.

Остается сбегать по друзьям Эрла. А друзья у него есть. Два. Может быть, три. В общем, больше, чем у меня.

Я иду по самой жуткой части города к отстойному отелю в конце Сентрал и вдруг чувствую, что меня преследуют, но не оборачиваюсь. Примерно в миле отсюда узнаю звук полицейской сирены. Думаю побежать, потому что копы в машине так и лягутся нетерпением. Я чувствую, как по их венам ртутью струится адреналин. Они ищут именно меня. Ума не приложу, откуда, черт возьми, они знают, как я выгляжу и кто я такой. Но беспокойство, которое не отпускало целый день, начинает расти. Сомнений больше нет. Происходит что-то очень нехорошее.

Еще две секунды, и я бы сорвался с места, но вдруг из переулка впереди, куда я и собирался бежать, высекивает еще одна патрульная машина.

Я притормаживаю, намереваясь броситься в другую сторону, но со стоянки слева под визг покрышек ко мне мчится седан без опознавательных знаков. Глазом моргнуть не успеваю, как в меня уже целятся семь пушек.

Я в ярости. Нет у меня на это дермо времени. Я должен найти Ким.

До боли стиснув зубы, я поднимаю руки, опускаюсь на колени, а через секунду уже жую асфальт по милости самого резвого копа. Меня пожирает гнев.

Появляется детектив. Это дядя Датч. Роберт. Боб. Плевать. Именно он допрашивает меня в участке. Я молчу. Не подтверждаю и не отрицаю обвинения. Мне назначают государственного защитника, которого больше волнуют доступные бабы, чем клиенты. Уважение к работе он потерял давным-давно. Живет от выходных до выходных, когда наконец сможет нажраться в хлам и отмыть очередную зазнобу.

На ад его приговорили много лет назад, когда он пьяный за рулем сбил старика. Деда

могло было спасти, но адвокат бросил его умирать прямо на дороге. Очень хочется свернуть ублюдку шею. Отправить его в преисподнюю пораньше. Но я терплю. Только потому, что, каким бы подонком он ни был, он – мой единственный шанс отсюда выбраться.

Меня обвиняют в убийстве. Эрла Уокера забили до смерти бейсбольной битой, затолкали в багажник его же консервной банки и подожгли. У копов есть показания свидетеля – Сары, подружки дефис банкомата Эрла, которая никогда его не любила, зато охренеть как боялась. Плюс в кармане моей куртки, которую передала через окно Ким, нашли кольцо Эрла. От такого уже не отмыться.

Самое страшное – детектив Боб знает, что я этого не делал. Знает, но против улик не попрешь. А все они указывают на меня.

Хочу хоть что-нибудь узнать о Ким, но не осмеливаюсь. Если она была с Эрлом, если ее тоже убили, на меня повесят еще одно убийство. Поэтому я разыгрываю роль Александра. Глаза в пол. Рот на замок.

Иногда мне интересно, кто на самом деле убил монстра. Впрочем, до лампочки.

Я в тюрьме уже неделю, когда приходит Амадор. С ним Ким, и от облегчения я чуть не теряю сознанию. Умница. Все сделала, как я велел.

Они оба переживают. У Амадора кишки в узел завязываются от беспокойства. А у Ким так опухли от слез глаза, что едва открываются. Под глазами – темные круги из-за недосыпания. Выглядит она так, будто ее били. Охранник косится на Амадора. Думает, не он ли над ней поиздевался.

Ким держит телефонную трубку и кладет свободную руку на стекло. Я тоже. По ее щекам текут слезы.

- Я этого не делал.

Она фыркает и награждает меня сердитым взглядом. Да уж. Такие взгляды ей удаются хреново.

- Я знаю, болван. Ты должен им все рассказать.

- Детектив, который занимается делом, в курсе, но улики против меня. Он ничего не может сделать.

Сердце Ким пускается вскачь.

- И что это значит?

- Ким, о тебе они не знают. Никто не знает, что у меня есть сестра. Меня спрашивали о родственниках. Спрашивали, были ли другие дети. Я сказал, что у Эрла был только я. Видимо, Сара тоже о тебе не упоминала. Ты ничего никому не должна говорить. И тебе нельзя сюда возвращаться.

- Что? Нет. Нет-нет-нет...

- Солнце, передай трубку Амадору.

- Нет! – кричит Ким. Начинает паниковать, а это совсем на нее не похоже. Она всегда тише воды, ниже травы. – Рейес!

Амадор обнимает ее за плечи. Не для того, чтобы успокоить, а чтобы из-за нее их не выгнали. Отбирает у нее трубку, и Ким тут же хватается за пластмассовую столешницу. Пальцы такие же белые, как и сама пластмасса.

Амадор знает, что надо делать. Мы обсуждали это сотни раз.

- Позабочься о ней, - говорю я ему.

Он кивает:

- Все готово. С ней все будет путем.

Меня опять затапливает облегчением. Так сильно, что я дрожу с ног до головы и за это проклинаю себя, на чем свет стоит. Не нужно Ким видеть, что я не могу справиться с чувствами.

Говорить почти не о чем. Несколько месяцев назад мы с Амадором придумали, как забрать Ким у Эрла, и теперь все готово. Она будет жить в хорошей семье. Вернется в школу. А я как-нибудь раздобуду ей денег.

- Лады. Дай ей трубку. Ты знаешь, что делать дальше.

- Еще бы.

- Аммо, даже не знаю, как тебя...

- Не смей вываливать на меня это сопливое дермо. – В его глазах стоят слезы, но он изо всех сил с ними борется. – Я всегда тебя прикрою. Сам знаешь.

Я киваю:

- Если бы мог, я б тебя поцеловал. С языком и все такое.

Амадор смеется, и от этого по щеке стекает слеза.

- Поздновато спохватился. А ведь мы могли бы стать счастливой парой, pendejo⁵.

Внезапно я понимаю, что у меня мокрое лицо.

- Я люблю тебя, старик.

- Я тебя тоже. Ты только выбирайся отсюда, ладно?

- Постараюсь, - вру я в ответ.

Вариантов не осталось. Признаваться в том, чего не совершил, только ради приговора помягче, я не стану. А отсидеть все равно придется.

Амадор передает трубку Ким. Она ничего не говорит. Лицо такое бледное, что сестра смахивает на призрака.

- Ты меня не знаешь. И больше никогда сюда не возвращайся.

Сказать хочется много. Например, что из-за меня ей больше никогда не причинят вреда. Никогда. Но слова не идут с языка, а в горле огромный ком.

Ким молчит. У нее дрожит подбородок. Наверное, даже если бы она захотела, то не смогла бы сказать ни слова.

- Я люблю тебя, - тихо говорю я.

И эти слова становятся последней каплей. Ким опять рыдает, и Амадору в прямом смысле слова приходится увести ее силой. Но она меня послушает. Не станет выходить на связь. Она намного сильнее, чем ей кажется.

Это была наша последняя встреча перед долгой-долгой разлукой.

Глава 16

Несколько месяцев я жду суда в СИЗО. Меня называют заключенным, а по-моему, я впервые в жизни свободен.

Несколько раз детектив Боб вызывает меня на допрос. Едва ли не умоляет дать ему хоть какую-то зацепку. Знает, что я невиновен. Понятия не имею откуда, но знает. В этом сомнений нет. Я почти ничего не говорю. В основном отмалчиваюсь. Никакие слова не отменят улик.

Детектив искренне пытается хоть что-то найти, но у него так же, как у меня, связаны руки. Месяца через два он сдается.

Суд проходит быстро. Несмотря на абсолютную некомпетентность моего адвоката, пять человек из жюри присяжных считают, что я невиновен. Троє из них женщины, которые уложить меня в постель хотят сильнее, чем сделать следующий вдох. Оставшиеся двое – мужчины. У одного на уме то же самое, что и у женщин. Второй всеми фибрами души ненавидит копов и не верит ни единому их слову. Будь я серийным убийцей, он все равно посчитал бы меня невиновным.

Однако улики говорят сами за себя. Мне выносят приговор. Кто бы сомневался.

В тюрьме я ни с кем не связываюсь. По большей части меня никто не трогает, но всегда находится тот, кому позарез надо доказать свою крутизну. Драки становятся привычным делом. Правда, надолго они не затягиваются, но все равно радуют. Хоть какой-то способ выпустить пар, отыграться, выбивая из очередного претендента дермо. Мало что приносит столько удовольствия.

Постепенно я обрастаю определенной репутацией и становлюсь мишенью для

⁵ (Исп.) Придурок, дурак; чувак.

каждого желающего попытать счастье. Но это даже к лучшему – я постоянно начеку. Коечemu Эрл Уокер меня все-таки научил. Грязно драться.

Только на драках ничего не заканчивается. Народ начинает шептаться по углам. Говорят, что я не человек. Что двигаюсь, как животное. Говорят, я хищник, а не добыча.

Со временем я знакомлюсь с несколькими заключенными. Некоторые из них терпимые. Один и вовсе ничего, поэтому я поддаюсь редкому порыву и говорю ему, что его ждет ад. Рассказываю почему. Уверяю, что еще есть шанс все изменить. Нужно сознаться. Перевернуть всю свою жизнь. Помогать другим. Чувак уже на правильном пути, но отмазаться от ада ничуть не легче, чем от зоны.

Сам удивляюсь, но он мне верит. Идет к охраннику и говорит, что хочет встретиться со своим адвокатом. Покаяться в грехах. Помочь другим.

Адским клеймом чувак обзавелся давным-давно, когда принимал наркотики. Выстрелил в аптекаря во время ограбления. Тот мужик по сей день в инвалидном кресле. Зек, в конце концов, завязал с наркотой, а за решетку попал по случайному стечению хреновых обстоятельств, но с того самого дня больше никому и никогда не причинял вреда.

Как бы то ни было, ущерб нужно возместить. Никакими поступками уже не исправить содеянного, но, если чувак покается в грехах и станет помогать другим, адское клеймо начнет бледнеть и рано или поздно совсем исчезнет. Чувака еще можно спасти.

Жаль, что меня нельзя.

Глава 17

После вынесения приговора меня сразу же переводят во временную тюрьму, где берут анализы и заставляют проходить психологические тесты. Еще через несколько недель этапируют в федеральную тюрьму Нью-Мексико. Я младше всех. Вместе со мной перевозят колоритную смесь рецидивистов и впервые осужденных. Первые нервничают, ерзают и психуют. Новички дрожат от страха. Одного так заметно трясет, что хочется сказать ему, чтобы поостыл, но толку от этого не будет. Все равно он станет чьей-то «шестеркой».

Слухи обо мне добрались и до зоны. Один из самых частых «постояльцев» хочет наложить на меня лапы, но он еще не в курсе, что обо мне говорят. К тому моменту, как меня выпускают на общий режим, за мной уже ходит прозвище. «Дыхание дьявола». Однако скучное существование в четырех стенах лучше всего на свете разбавляет перспектива принять вызов, и в первый же день за мою голову назначают цену.

Едва я сажусь за стол с подносом, чтобы пообедать, сразу чувствую, как с разных сторон ко мне подходят трое. У каждого по самодельной заточке вкупе с намерением во что бы то ни стало уложить меня если не в гроб, то хотя бы в больницу. На этот раз свое право на первенство хочет отстоять «Синдикат Нью-Мексико»⁶ – известная в определенных кругах группировка. А достичь цели можно только одним способом – так сказать, поставить меня на место.

Я жду, пока трое не подойдут поближе. Один охранник, молодой пацан, для которого все здесь так же в новинку, как и для меня, замечает происходящее. Он на взводе. Вызывает подмогу, но не успевает даже договорить, как все трое бросаются в атаку.

Я уворачиваюсь от заточки, выкручиваю парню руку и только потому, что сегодня настроение у меня исключительно паршивое, сворачиваю ему шею еще до того, как он успевает хоть что-то понять. С двумя другими поступаю точно так же. Один из них соображает, что происходит, и пытается отступить, но мне не хочется так просто его отпускать. Тем более он особо редкая сволочь, приговоренная к вечности в аду: изнасиловал и избил соседскую девочку, а потом задушил ее в лесу, чтобы она никому ничего не

⁶ Синдикат Нью-Мексико (исп. Syndicato Nuevo Mexico) – группировка, основная в 1979 г. латиноамериканскими заключенными из Исправительной колонии округа Берналильо, г. Альбукерке. В 1980 г., вскоре после кровавого мятежа в федеральной тюрьме Нью-Мексико, расположенной в г. Санта-Фе, группировка заключенных распространилась на всю тюремную систему штата.

<http://worldselena.ru/>

рассказала. Для начала я ломаю ему позвоночник, чтобы охренел от боли, и только потом сворачиваю шею.

Несколько секунд спустя я сижу на корточках прямо на столе. Все рожки повернуты ко мне, и на всех так и написан шок. Охранник, который вызывал подмогу, все еще держит рацию у отвисшей челюсти.

Я выпрямляюсь. Спокойно спускаюсь на пол. Беру свой поднос и пересаживаюсь за другой стол. На меня глазеет какой-то стариk. Но не боится и не хочет меня ни трахнуть, ни сделать своей «шестеркой», поэтому я мигом проникаюсь к нему симпатией.

- А ты знаешь, как произвести впечатление, - смеется он.

Я подмигиваю в ответ и съедаю то, что успеваю, пока на меня не наваливаются охранники. Оказывается, кормят тут не так плохо, как я думал. Я и похуже ел.

Все выходы из столовой блокируют. Зеки на полу, а меня скручивают четверо охранников. Я не сопротивляюсь. Они всего лишь делают свою работу. Поэтому опять лежу носом в пол под мужиками с пушками и «тазерами». Электрошокеры – то еще удовольствие. Больно от них зверски.

В ходе расследования в мою пользу свидетельствует охранник, который пытался вызвать подмогу. Само собой, я в карцере, но меня вызывают на личный допрос к начальнику тюрьмы. Расследование, между прочим, полномасштабное. Наверное, единственная причина, почему мне не предъявляют новых обвинений, – тот самый охранник. Его фамилия Госсет. Он... заинтригован. Все время держит ухо востро и чуток прудит в штаны каждый раз, когда я смотрю в его сторону. Однажды он может пригодиться.

Ко мне с визитом приходит горстка мужиков из правительства штата. Рассказывают в красочных подробностях, какой я умный. Говорят, показатели моего IQ «несоизмеримы». Хотят провести еще какие-то тесты.

- Я в тюрьме, - говорю я им. – И что это говорит о моем интеллекте?

От тестов отказываюсь, и они сваливают, поджав хвосты.

Когда меня наконец отпускают на общий режим, я довольно быстро привыкаю к образу жизни местного головореза. Со мной почти никто не связывается, а если и связывается, то крайне редко. Всегда находятся те, кто хочет заработать себе репутацию. А я стал вызовом номер один.

Через какое-то время нарисовываются общественные организации, которые работают внутри системы и вне ее. Некоторые пытаются меня завербовать, но я ясно даю понять, что ни на кого работать не стану, и попытки сворачиваются. Все они знают, что воли мне не видеть еще очень долго, а значит, я не смогу публично упрекнуть их в попытках нанять главаря всяя зоны. Как всегда, все упирается в политику и законы выживания.

День за днем жизнь в тюрьме превращается в мешанину скуки, выживания и всякой ерунды. Время от времени кто-то из охранников начинает мнить себя самым важным, очередной пахан отдает приказ своим прихвостням и то тут, то там вспыхивают случайные драки. Правда, здесь драки всегда заканчиваются чьей-нибудь смертью, поэтому к ним относятся очень серьезно.

Я решаю не терять времени даром и продолжаю изучать то, что начал на вечерних занятиях, – юриспруденцию и компьютеры. В компьютерах меня в основном интересует, как их взломать. Первым делом взламываю систему своей школы, где целых три месяца обучался тому, что уже знал, и выдаю себе свидетельство о среднем образовании. Потом в онлайн-программе колледжа получаю диплом юриста. А еще становлюсь местным компьютерным гением. Начальство тюрьмы постоянно просит ремонтировать им компы.

Снова и снова я создаю вирусы, которые активируются в определенные дни и в определенное время. Когда меня вызывают, я уничтожаю собственный вирус и заражаю компьютер новым, который запускается через пару месяцев. Меня спрашивают, почему я не могу починить компьютер раз и навсегда. Я отвечаю, что надо прекращать ходить по порно-сайтам, и тогда ничего не будет ломаться. На этом вопросы всегда заканчиваются.

Короче говоря, всего это хватает, чтобы пару лет не помирать от скуки. Как вдруг Датч снова оказывается в смертельной опасности. Я уже понял, что все испытания появляются на ее пути именно потому, кто она такая. Без сверхъестественной помощи никто не смог бы с такой завидной регулярностью попадать в неприятности.

Так уж исторически сложилось, что ангелы смерти долго не живут. Умирают в юном возрасте, а потом добиваются свой срок службы, переправляя души между измерениями.

Откуда я все это знаю? Много учусь и многое вспоминаю. Например, кто я такой и откуда взялся. Если сравнивать, это как заново складывать разбитое стекло. Процесс медленный и мучительный. Каждая картинка, всплывающая в памяти, как острый осколок, который с трудом вписывается внутрь уже вставшего на место.

По ночам я снова и снова вижу ад. Нечеловеческие армии и эпические сражения. И эти видения удивляют больше других, потому что они обо мне. Не зря все шепчутся по углам, называя меня «дыханием дьявола». Я не человек. Точно не знаю, кто я, но знаю одно: что-то во мне с человеком не имеет ничего общего. Как нельзя назвать человеком и всю Датч целиком.

Благодаря способности незримо путешествовать по миру, я многому учусь. Оказалось, что стены и решетки тюрьмы для меня не преграда. Я могу отправиться куда угодно. Понял это, когда узнал, что Датч настоящая, а я, судя по всему, в буквальном смысле выходил из тела, чтобы ее найти.

Все думают, что у меня какие-то припадки. Берут анализы, но серьезных обследований госбюджет не предусматривает. Наверное, оно и к лучшему. Не думаю, что это на самом деле припадки. Уж точно вряд ли их можно объяснить с медицинской точки зрения.

Иногда меня притягивает против воли, и я теряю сознание. Крайне неуместно, потому что в глазах некоторых выглядит как слабость. Когда я в таком состоянии, любой может меня прикончить. А значит, я могу умереть, потому что кое-кто имеет склонность постоянно оказываться по уши в дерьме и на волосок от смерти.

Очередное открытие поджидает меня как раз в один из таких самых неудобных моментов. Вот я сижу на нарах и читаю, а через секунду стою перед Датч. Она в кампусе Университета Нью-Мексико. Само собой, на нее кто-то нападает. Во мне вспыхивает такая ослепительная ярость, что я даже не задумываюсь – сразу достаю меч и рублю мужику позвоночник. Но удивляет не это, а то, что меня позвала Датч. В прямом смысле слова вызвала. Неужели так было всегда? Так что здесь правда? Я сам ее искал все эти годы, или это она меня призывала к себе?

Поразмыслив, я прихожу к выводу, что оба предположения верны. Перед тем как оставить Датч разбираться с университетской охраной, я на прощание легким дуновением прикасаюсь к ее губам. А возвращаюсь с заточкой в груди. Подарочек от очередного молокососа из «Синдиката». Я-то думал, мы пришли к соглашению. Ну или хотя бы к взаимопониманию.

Пацана я не убиваю. Очередная стычка мне ни к чему. Зато во всех красках получаю доказательства того, какими негативными могут быть последствия смертельных опасностей, в которые постоянно вляпывается Датч. Для меня, не для нее.

Правда, я специально чуточку разукрашиваю пацана. Ломаю нос. Может быть, чересчур сильно передавливаю глотку. А потом лично доставляю его «Синдикату». К сожалению, действовал он не по приказу, а по собственной инициативе. Очередной ублюдок в начале пути, который жаждет проявить себя. В ту ночь он сдох в луже собственной крови. И лужу организовал ему не я.

Через два с копейками года ко мне приходит Амадор. Вообще-то, он приходит каждый месяц, но этот визит особенный. Вполне мог бы попасть в мое личное дело как визит, когда я чуть не свернул шею лучшему другу.

- Меня повязали за нападение при отягчающих обстоятельствах, - рассказывает он. –

Скорее всего мне светит срок.

Я смотрю на него так, будто не понимаю, о чем речь. Он же вот-вот женится! Его невеста беременна, а сам Амадор никогда не был таким счастливым, как сейчас.

Он откашливается. Барабанит по столу пальцами.

- Почему? – спрашиваю я.

- Потому что напал на офицера полиции.

- Нет. Я спрашиваю, почему ты рискнул всем, что у тебя...

- Он гребаный коп, Рей. Такой же человек, как мы с тобой. – Тут он серьезно ошибается. – Только тот еще кусок дерьяма! Преследовал Бьянку, а когда она на него заявила, вместо того чтобы обо всем рассказать мне, пришел ей краденый пузырек оксикодона и арестовал.

Амадор сжимает кулаки, а на глаза от переизбытка эмоций наворачиваются слезы. Переживая за него, я до боли стискиваю зубы.

- Они думают, раз носят хреновы жетоны, то им закон не писан. ¡Cabrones, hijos de puta! Policías como ellos deben morir en un baño de sangre⁷.

Амадор не замечает, как переходит на родной язык, а я думаю только о том, что в происходящем есть моя вина. Если бы Амадор знал, на что я на самом деле способен, то пришел бы ко мне, а не стал бы решать проблему собственными силами. Но я целиком и полностью понимаю, откуда у него взялась такая жажда крови. Я и сам был бы не прочь получить глоток-другой.

- Сегодня у меня получилось прийти только потому, – говорит Амадор, немного успокаиваясь, – что все произошло вчера вечером. В базе данных, видимо, пока ничего нет. Но вряд ли нам удастся снова увидеться. По крайней мере какое-то время.

Вот это меня беспокоит меньше всего на свете.

- Не знаю, куда меня пошлют, но надеюсь, что сюда, – невесело смеется Амадор, понимая всю иронию надежды на то, чтобы оказаться в самой охраняемой тюрьме штата.

- С копом я разберусь, – говорю наконец я.

- И как ты собираешься это сделать, сидя за решеткой?

Я молча улыбаюсь, и Амадор пожимает плечами, веря мне на слово.

- Только постарайся загреметь именно сюда. Если, конечно, твоего адвоката хоть кто-то станет слушать.

Амадор кивает. Вслух мы не прощаемся, потому что не знаем, когда снова увидимся. Амадор из хороших парней. Будь это не так, я бы понял с первой встречи. Он заслужил право на возмездие. А Бьянка – тем более.

В тот же день, после обеда, я принимаюсь за работу. Из строя вышел один из компьютеров заместителя начальника тюрьмы, а охранник, приставленный ко мне, разбирается в этом не лучше белки. Я взламываю компьютер того самого копа и делаю так, что любому покажется, будто этот коп занимается распространением детской порнографии. Даже создаю левый банковский счет, на который отправляются несколько сотен небольших платежей со всего мира.

К тому моменту, как Амадору выносят приговор и он оказывается в тюрьме, копу светит срок в пару-тройку десятков лет. Еще и потому, что я решил приправить его «резюме» прозрачными намеками на торговлю наркотой и ловко спланированные вымогательства.

Глава 18

За пару простых щелчков «мыши» я отписываю Амадора к себе в камеру, и четыре замечательных года мы живем бок о бок в четырех стенах, пока его не выпускают по УДО. Я ужасно рад. Амадора давно заждались красавица-жена и маленькая дочь.

На волю он выходит, зная всю мою подноготную. Я решил ничего не скрывать.

⁷ (Исп.) Твари! Грязные ублюдки! Да таких копов в крови топить надо.

Сознаться во всем было трудно. Хотя Амадор реагирует лучше, чем можно было ожидать. Правда, поначалу считает, что мне позарез нужен мозгоприв и лечение соответствующими препаратами, но вскоре сам видит правду.

На его глазах во дворе назревает резня. Я иду сквозь толпу и трогаю за плечо каждого, кто встречается по пути. Они падают на землю, как домино, пока я не дохожу до главарей обеих банд, готовых поубивать друг друга.

Потом Амадор видит, как я теряю сознание, когда Датч, едва закончив колледж, решает вступить в Корпус мира и оказывается посреди боевых действий между двумя племенами в Уганде.

Он рядом, когда через два года в Корпусе мира Датч возвращается в Альбукерке и открывает детективное агентство. Ну какие тут могут подстерегать опасности, правда? Однажды ночью она напивается и кубарем скатывается по ступенькам того самого дома, где снимает квартиру. Наверное, вызвала она меня случайно, как некоторые случайно, в пьяном угаре, набирают чей-то номер на сотовом. Ее жизни ничего не угрожает, но притяжение настолько сильное, что меня выдергивает прямо из сна. Я нахожу ее распластавшейся на лестничной площадке второго этажа. Датч требует снять плащ. Хочет увидеть, что под ним. Узнать, чего так боялась все эти годы. Заглянуть в лицо своим демонам.

Я поднимаю ее с пола и прижимаю к себе, но не успеваю и глазом моргнуть, как она снимает с меня капюшон. Я застываю. Датч – тоже. Хочу снова надеть капюшон, но она не дает. Прикасается к моему лицу. Смахивает упавшие мне на глаза волосы. Проводит пальцами по губам. Поднимается на цыпочки и целует.

Сначала я не отвечаю, но Датч наклоняет голову в сторону и приоткрывает рот. Приглашает.

У меня в груди зарождается нечеловеческое рычание. Я крепко обнимаю ее обеими руками и наконец отвечаю на поцелуй. Датч вплывается в меня. Запускает мне в волосы пальцы, другую руку кладет на задницу. Я уже почти готов сдаться и взять ее прямо на лестнице, но она вдруг слабеет у меня в руках. Я все еще крепко ее держу. Пытаюсь отдышаться и перебороть ослепляющее желание утонуть в ее тепле.

Слышу, как сверху кто-то спускается, и очень осторожно сажу Датч у стены. Датч сползает на ступеньки и мирно посапывает. Завтра у нее будет беспощадно болеть шея. Я остаюсь и слежу, чтобы парни, которые ее нашли, довели ее до дома, а не уложили в постель к одному из них.

Понятия не имею, почему она так напилась, но очень сомневаюсь, что она хоть что-нибудь вспомнит.

Амадор прикрывает мне спину каждый раз, когда я нужен Датч. Если подумать, это даже грустно. Совсем не то же самое, что очнуться с заточкой между ребрами. Он рядом, когда главарь самой мощной группировки в тюрьме просит покрышевать его от собственных людей, которые решили организовать ему страшную расправу. Я вступаюсь, и его оставляют в покое. Он официально выходит из банды, а значит, и из-под защиты, но его никто не трогает.

Именно это больше всего поражает Амадора. Что даже раскол в группировке не приносит ожидаемых результатов.

Несмотря ни на что, я очень рад, что Амадор выходит на волю. Слишком долго они откладывали свою жизнь на потом. Все это время Бьянка работала официанткой, училась на вечерних курсах и растила дочь с помощью своей матери. Амадор едва слюни не пускает, чтобы стать наконец-то настоящим отцом. Чтобы создать настоящую семью со своей женой. Они с Бьянкой поженились за день до того, как его посадили. Не лучший у них выдался медовый месяц.

Но есть и хорошие новости. Теперь Амадор знает, на что я способен. И мы придумали план. Мне придется кое-чему научиться, но через пару лет он ни в чем не будет нуждаться. Я дал ему слово.

Глава 19

Амадор приезжает часто. Хочет еще чаще, но я не разрешаю. Говорю, что теперь у него есть семья. Они с Бьянкой даже детей привозили. Эшли и малыша Стивена. Эшли такая же красавица, как и ее мать. Я донимаю Амадора – обещаю, что, как только выйду, украду у него детей. Но он и не думает волноваться. Наверное, это хорошо. Бьянка по уши влюблена в Амадора. Она из тех уникальных людей, кто при виде меня не впадает в отупляющее желание. Ее глаза видят только Амадора. Такая преданность – большая редкость. Наверняка какая-нибудь ведьма помогла ему приворожить Бьянку.

Каждый раз он рассказывает мне о Ким, не называя ее имени. У нее все путем. Наш план действует как нельзя лучше.

В том, чтобы выходить из тела и бродить по свету, есть свои плюсы. Один из них я называю промышленным шпионажем. Мне удается раньше других узнавать важную информацию. Например, когда прикроют те или иные компании, когда появятся новые. Я заранее узнаю подробности о рынке ценных бумаг, курсах акций и паевых инвестиционных фондах.

Благодаря моим подсказкам Амадор с Бьянкой и Ким быстро становятся миллионерами. Я тоже, но мои счета заморожены до тех пор, пока я не выйду на свободу. А это может произойти лет через десять-двадцать.

- Она ими пользуется? – спрашиваю я у Амадора, потому что хочу знать, берет ли Ким деньги хоть с какого-то из своих счетов.

Он качает головой:

- Нет. Говорит, хранит их для тебя.

Я стискиваю зубы. Все это изначально задумывалось ради того, чтобы ей больше никогда не пришлось работать. А вместо этого она берется за всякую стремную ерунду и едва сводит концы с концами, в то время как есть все возможности где угодно жить припеваючи.

Иногда яхожу к сестре. Она не такая как Датч, поэтому не может меня увидеть. Изредка я сдвигаю какую-нибудь картину или сбиваю с полки вазу, и тогда Ким знает, что я рядом. Разговаривает со мной часами. Я начинаю думать, что становлюсь серьезной помехой. Последнюю работу Ким потеряла, потому что просидела со мной и не поехала в офис.

- Она должна вести нормальный образ жизни, – говорю я Амадору. – Скажи ей... – Делаю глубокий вдох, чтобы следующие слова прозвучали решительно. – Скажи ей, что я больше не приду. Что для меня это очень опасно. Пусть возьмет деньги и поездит по миру.

Но я знаю, что она не послушается. Ким меня ждет и может умереть, так и не дождавшись, если я не придумаю, как заставить ее жить дальше без меня.

На какое-то время я оставляю мысли о Ким и сосредотачиваюсь на Датч. На Амадоре, Бьянке и детях. Мы инвестируем в несколько компаний, которые становятся самыми прибыльными в мире, едва выходят на рынок. В мгновение ока мы все становимся миллионерами. Амадор продолжает вливать средства на оффшорный счет Ким. Счет открыт не на ее имя, но у нее есть к нему доступ в любой момент.

Впрочем, толку от этого мало. Со счета она берет ровно столько, чтобы хватало на жизнь. Сущую ерунду, но теперь хотя бы пользуется деньгами.

Глава 20

Восьмой год заключения становится одним из самых захватывающих. В тюрьме бунт. Точнее он только назревает, но, если заключенные возьмут под контроль диспетчерскую, в этот раз все может закончиться так же хреново, как и в восьмидесятом. У Нью-Мексико кровавая история, с которой может посоперничать всего пара-тройка штатов. Атмосфера в старой тюрьме трещит по швам и сама по себе отправляет. За столетия здесь было слишком

много смертей, пролилось слишком много крови.

У земли, на которой построена новая тюрьма, история не такая жестокая. Поэтому и бунтов тут меньше. Хотя, если они выходят из-под контроля, справиться с ними не так-то просто.

Но я – Швейцария. Беспартийная, нейтральная территория. Сижу на нарах и читаю, когда очередной новый сокамерник решает присоединиться к общему веселью. Мы с ним ничего и никогда не делаем вместе.

Из всех сил я стараюсь держаться в стороне. Честно. Но приходится вмешаться, когда одного из охранников берут в заложники. Он из нормальных, а не из тех отморозков, которые ценят себе не сложат. У меня нет выбора. Если не вмешаюсь, придется с этим жить. Бог свидетель, мне и так нелегко уживаться с самим собой.

Выхожу из камеры и вижу, как трое волокут О'Коннела, охранника, к диспетчерской. У него на виске рана, со рта капает кровь. Сам еле дышит. Отчасти из-за травм, отчасти из-за слезоточивого газа, который распылили в общем помещении. По лицам всех четверых текут слезы, и я тоже начинаю чувствовать действие газа.

Один из зеков держит заточку у горла О'Коннела. Второй размахивает гаечным ключом, который спрятан из тюремного магазина, уже захваченного бунтарями. Третий рассказывает О'Коннелу, как оторвет ему голову и превратит ее в унитаз. Правда, я перефразировал. На деле угроза звучала так: «Я отпилю тебе башку и насычу прямо в глотку».

О'Коннел в ужасе, и не без причины. Такие бунты добром не кончаются. Я иду по проходу с перилами, наступая на куски туалетной бумаги, разодранные подушки и матрасы.

Зеки с охранником в конце прохода, и я иду медленнее. Чем ближе подхожу, тем сильнее они нервничают. Но всех до единого уже насквозь пропитало адреналином. А значит, остановить их будет трудно. То есть труднее, чем обычно.

Я продолжаю идти вперед. Опускаю голову. Тяжело смотрю исподлобья.

Их беспокойство растет. Тот, что с заточкой, поворачивается ко мне и прикрывается О'Коннелом. Я материюсь себе под нос, заметив, что охранника подрезали. Как минимум дважды. Не смертельно, но ему срочно нужна медицинская помощь. Я давно понял, что тела обычных людей более хрупкие, чем мое. Я такие раны едва бы заметил, но простой смертный может от них умереть.

- Отвали, Фэрроу, - говорит тот, что с заточкой, причем держит ее с таким видом, с каким павлин распускает хвост.

Я улыбаюсь, и зек напрягается, готовясь к драке. Странно, но ему нужен именно этот охранник. Интересно зачем.

Зек бросается на меня, отпустив О'Коннела, и тот падает на пол. Двое других зеков тут же приходят на помощь первому. Угомонить их занимает больше времени, чем я ожидал. На адреналине они продолжают драться даже со сломанными костями и черепно-мозговыми травмами. Одного прикладывают башкой о перила – жить будет. Второго сбрасываю вниз – его будущее под большим вопросом.

Убрав помощников с пути, я уклоняюсь от заточки самопровозглашенного лидера, хватаю его за горло и, глядя прямо в глаза, ищу, почему он так ненавидит охранника. Когда я прочесываю разум живого человека, приятного мало. Впрочем, занимаюсь я этим нечасто.

Поскольку О'Коннел глубоко засел в мозги зеку, нужное воспоминание находится быстро. Заточка проходил медосмотр, и один из охранников смотрел на него с нескрываемым презрением. Могу его понять, но, кроме этого, он заявил и без того вспыльчивому зеку, что от него воняет тухлой рыбой.

Наблюдавший за всем у стены О'Коннел рассмеялся. Однако Заточка не понял, что смеялся О'Коннел не над ним, а над вторым охранником, который слышал даже среди коллег идиотом и никому не нравился. Его давным-давно уволили, но Заточка оказался из тех, кто обид не забывает. Некоторые долго умеют таить ненависть.

Заточка отправится в ад за издевательства над пожилыми соседями. Видимо, помочь другим его никогда не учили. Скорее всего я окажу миру услугу, если отправлю его по

адресу на несколько лет раньше.

Он снова бросается на меня, и я пользуюсь инерцией, чтобы свернуть ему шею и толкнуть через перила.

Потом, подхватив О'Коннела, иду в диспетчерскую. Больше меня никто не пытается остановить. Даже несмотря на то, что я ташу на плече охранника – игрока команды соперника.

У диспетчерской группы заключенных пытается проломиться сквозь стеклянную перегородку. Заметив меня, они разделяются. На лицах – смесь ярости и недоумения.

Один потихоньку подбирается ближе, чтобы меня вырубить. Он еще не готов выйти из игры, хотя большинство зеков уже взяли под стражу, а у тех, кто еще разгуливает по тюрьме, шансы выбраться на свободу равны нулю. Впрочем, на свободу хотят не все. Некоторые просто жаждут мести и нападают на других заключенных, которые, по мнению неадекватных, покореженных наркотиками мозгов, их как-то обидели.

- Откройте дверь, - говорю я охранникам в диспетчерской будке. Они переглядываются, не зная, как поступить. – Ему нужна помощь.

О'Коннел сползает все ниже и ниже. Держать его легко. А вот держать его и драться с собравшимися перед стеклом может оказаться той еще проблемой.

Я поворачиваюсь к зекам. Все они знают, на что я способен. Или думают, что знают. Опускаю О'Коннела на пол и готовлюсь к драке. Раз пошла такая пьяня, буду смотреть на все это как на возможность придать своему имени еще больше влияния и могущества.

Заключенные на пятом уровне сидят либо за убийства, либо за другие тяжкие преступления. Скушать по ним никто не станет.

Я делаю глубокий вдох, глядя, как зеки окружают меня и подпитываются храбростью от того, что превосходят меня числом.

Мир вокруг затихает. Перестают вопить сигналы тревоги. Зеки прекращают орать. Двери больше не хлопают.

Вокруг меня одиннадцать человек. Двое почти такие же высокие, как я. Я начинаю с тех, что слева, и иду по кругу, за один удар сердца решая, кому жить, а кому умереть. Их преступлениям нет числа.

Трюк в том, чтобы успеть вырубить как можно больше. Но, как и во всех трюках, происходит техническая заминка. Первому я наношу такой мощный удар, что дробятся все кости лица и ломаются третий и четвертый позвонки. Делаю шаг и локтем бью второго – с тем же исходом. Третьему достается перелом коленной чашечки и выбитое плечо. Четвертый лишается нескольких зубов, содержимого желудка и кучи крови. Все это я пытаюсь успеть до того, как кто-нибудь сделает хоть один шаг. Чтобы, так сказать, проредить ряды.

Но без толку. На меня налетает вся толпа кучей ног, рук, заточек и ножей. А вишенка на торте – заключенный номер 5447. Он, мать его, хватает меня за волосы. За волосы! Я выворачиваю ему запястье, попутно свернув пару шей и сломав несколько ребер и носов.

Под конец всего три трупа. Худшие из худших. По моему скромному мнению, смерть по ним давно плакала.

Остальные с переломами и сотрясениями корчатся на полу от боли. На все про все ушло семь секунд. Я считал.

Охранники в диспетчерской стоят с отвисшими челюстями.

Тяжело дыша, я кладу руки на стекло:

- Уверен, случись что, вы бы меня прикрыли.

Все в унисон кивают, потому что от шока никто не в состоянии говорить.

- Тогда открывайте, на хрен, дверь.

Кто-то бросается к двери, и несколько человек затащивают раненого охранника в диспетчерскую.

- Фэрроу, - сквозь зубы выдавливает О'Коннел, - заходи сюда. Если они узнают...

- То я стану еще большим ублюдком? – тихо посмеиваюсь я.

- Скорее легендой, - вставляет кто-то третий.

Я наклоняю голову набок:

- Переживу.

На выражение лица О'Коннела почти невыносимо смотреть. К такой ничем не прикрытой благодарности я не привык. Даже Датч, когда я снова и снова спасаю ей жизнь, излучает не благодарность, а леденящий душу страх. Взгляд О'Коннела меня бесит. Я делаю шаг назад, и дверь закрывается.

То тут, то там бродят заключенные и разглядывают последствия. В бунте они не участвовали, но камеры закрылись, а зеки остались снаружи. Замечая меня, они распахивают глаза и рты, но молчат.

- Я тут ни при чем, - говорю я и показываю за спину на диспетчерскую.

Зеки ошарашенно смотрят на охранников, а у меня появляется возможность спокойно вернуться к себе в камеру, дверь которой я нечаянно сломал, спасая задницу О'Коннела.

Глава 21

Проходит почти десять лет. Сменилось двенадцать сокамерников. Денег накопилось столько, что хватит купить небольшую страну. Я получил еще один диплом. Не знаю на кой. Наверное, чтобы хоть чем-то себя занять.

У Амадора с Бьянкой замечательная жизнь. Я завидую, но совсем чуть-чуть. У них двое детей, которых они привозят на свиданки. Дочери, Эшли, уже почти пять лет. Она просила меня на ней жениться, когда я выйду на свободу. Просьба странная и сильно попахивает инцестом, учитывая, что Эшли называет меня дядей Рейесом, но кто я такой, чтобы спорить с истинной любовью? Стивен все еще в подгузниках и вечно дает родителям повод за поводом потратить накопленные деньги.

Амадора беспокоит Ким. Говорит, она плохо выглядит. Я согласен. Хотя хорошо Ким не выглядела никогда. Я часто к ней хожу, только она об этом и не догадывается. Ест плохо, не больше бурундуков. Стала отшельницей. Редко выходит из дома. Еще реже разговаривает с людьми.

Амадор рассказывает о посвященных мне сайтах и спрашивает:

- Сам, что ли, клепаешь?

Я мрачнею и качаю головой.

- Имей в виду, cabrón, на свете полно чокнутых сук. Будь начеку.

Сидя в интернете, я ни разу и не подумал поискать что-то подобное. Поэтому, когда в следующий раз оказываюсь перед компьютером (якобы посещаю онлайн-семинары о том, как писать мемуары), первым делом открываю поисковик. Амадор прав. Мне посвящена уйма фан-клубов. С отвращением закрываю страницу за страницей. Это даже хуже, чем все те женщины, которые постоянно заполняют заявления на свидания со мной. На кой хрен им это надо? Они меня даже не знают. И уж точно встречаются, как нормальным людям, нам не светит. Поэтому я снова и снова отказываюсь от таких встреч.

А сегодня опять получил открытку. Кажется, уже четвертую. Поначалу я и думать о них забывал, но последняя привлекла внимание. Открытки не подписаны. Приходят из разных городов по всему Нью-Мексико. Но на последней была надпись: «Жаль, что тебя здесь нет». Зацепил не почерк, а запах. Знакомый. Приторно-сладкий. Дешевый. У меня чуть ум за разум не зашел.

Одно ясно: нужно выбираться из тюрьмы. И поскорее.

Глава 22

У моего нового сокамерника синдром Аспергера. Не так чтобы очень запущено, но по сравнению с нормальными людьми он немного тормоз. Впрочем, мы в тюрьме. Тут почти каждый немного тормоз по сравнению с нормальными людьми. Чувак огромный, сильный и легко поддается внушению. Есть у меня подозрение, что его кузен, который тоже сидит,

режиссер их совместных цирковых номеров. Поначалу они держатся друг друга. Динамика прозрачна. Но говорит Джерри Ли, что делать, где стоять, кого избить, и Джерри Ли слепо выполняет все указания.

Как правило, я в подобное дермо не лезу, но в этот раз вынужден вмешаться. Мне на хрен не надо, чтобы какой-нибудь неприятель БО заявился в камеру, чтобы прикончить второго брата. Пока мне везло, но с некоторых пор я стал ценить жизнь гораздо больше. К тому же БО – конченый кусок дерма, зря расходующий воздух. Если это о чем-то говорит, то в аду его прописали с шести лет.

- С ним все будет путем, - говорю я Джерри Ли, когда его брата выкатывают на носилках. – Марафоны, конечно, ему не бегать, но...

К моему удивлению, Джерри Ли не особенно расстроен. Если бы меня попросили описать его чувства, я бы сказал, что ему полегчало.

Мой план включает помочь главарей пары-тройки банд, которым я в свое время оказал кое-какие услуги, чтобы потом, если понадобится, получить ответные. Хотя вряд ли они догадываются, что я веду счет. Да и закончится все раньше, чем они хоть что-нибудь поймут.

В ту ночь, пока они спят, я наношу каждому визит. Нашептываю всякую чушь. Вроде той, что другие главари собираются воевать и пора готовить армию. Этиочные визиты продолжаются целую неделю, к концу которой напряжение в тюрьме хоть ножом режь.

Еще один день и еще одну ночь я жду, когда прорастут семена моего плана, а потом, вместо того чтобы предотвратить войну, я ее развязываю. Людьми на удивление легко манипулировать. Пара слов в нужное ухо в режиме призрака, намеренно устроенная скора, и все катится в тартарары.

Мы во дворе. Зеки злобно косятся друг на друга. Охранники внимательно наблюдают за происходящим. А потом начинается мой спектакль. Группа зеков идет через двор. Выглядят они как ни в чем не бывало, но жестокие и опасные мужики, которые двигаются сообща в одном направлении, не могут не привлечь внимания.

Из динамиков орет сигнал тревоги. Охранники во дворе бегут за защитным снаряжением. Те, что на вышках, целятся из винтовок.

Но мне не нужно, чтобы все закончилось слишком быстро. По плану, охранники должны быть на грани. Так, чтобы пальцы на спусковых крючках могли дернуться чисто рефлекторно.

Голос из динамиков приказывает заключенным лечь на землю. Некоторые слушаются. Некоторые – нет.

Джерри Ли реагирует именно так, как я и ожидал. Замирает с огромными от страха глазами. Он не понимает, чего от него хотят. И, когда охранник с вышки делает предупреждающий выстрел, Джерри Ли стоит на месте, как парализованный.

Чтобы все прекратилось, хватает двух выстрелов. Некоторые успели друг друга поколотить и теперь покрыты кровью, но даже они ложатся на землю. Я и вовсе на земле с самого начала. А Джерри Ли все еще стоит.

Я почти жалею, что использую его как наживку, но мне известен протокол. А еще я знаю охранника с вышки. И выбрал его не случайно. Бывший снайпер морской пехоты промахнуться не может.

Когда он прицеливается в землю у ног Джерри Ли, я начинаю действовать. План рискованный, но все-таки выполнимый. За нескончаемые часы, которые у меня были на раздумья, я научился останавливать время. Ненадолго. Даже не знаю наверняка, останавливается ли оно, или я просто на короткий период оказываюсь в каком-то другом измерении, где время течет иначе.

Короче говоря, когда охранник нажимает на спусковой крючок, я даже не останавливаю, а замедляю время, пока не вижу, как сквозь воздух медленно летит пуля. Она попадет в землю в полуметре от ноги Джерри Ли.

Я бросаюсь к нему, мысленно ежась от того, что знаю: когда время вернется, ему

будет, мягко говоря, неприятно.

- Дико извиняюсь, - бормочу я и сбиваю Джерри Ли с ног.

Потом занимаю идеальную позицию, делаю глубокий вдох и отпускаю время.

Оно с ревом возвращается, но я не замечаю – слишком занят тем, что ловлю черепом пулю. Даже для меня это чересчур. Когда пуля вспахивает около сантиметра серого вещества и проходит навылет, я с трудом превозмогаю естественный порыв схватиться за голову и свернуться в позе зародыша. А еще борюсь с диким желанием заматериться вслух и вслух же у себя спросить, о чём, черт меня дери, я думал.

Пуля дробит кость в черепе, и осколки рассыпаются по траве.

Сигнал тревоги все еще орет. Заключенных загоняют в камеры. По всей тюрьме блокируют выходы. Кто-то вызывает скорую.

Первым ко мне подбегает О'Коннел – охранник, которому я помог пару лет назад во время мини-бунта. Он и есть тот самый снайпер с вышки, в личном деле которого зарегистрирован самый дальний выстрел за всю историю морской пехоты. За ним – заместитель начальника тюрьмы Нил Госсет. В костюме и при галстуке. Я думаю, что он молодец – явился во двор без намека на защитные причиндалы. О'Коннел прижимает к моей голове полотенце. Остается только надеяться, что чистое.

Я не шевелюсь. Притворяюсь, будто без сознания, и жалею, что приходится притворяться: голова болит нечеловечески. Наверное, потому, что половина мозгов валяется на траве.

Когда приезжает скорая, я выхожу из тела и смотрю, как меня грузят на носилки и везут в больницу. А поскольку я, по идее, в коме, то в тело не возвращаюсь, пока не возьмут все анализы и не проведут необходимые тесты. Заскакиваю к Ким. Проверяю, как дела у Амадора, Бьянки и детей.

Но с Датч остаюсь надолго. Смотрю, как она работает, как общается с людьми – живыми и мертвыми. Она невероятная. А энергия у нее просто заразительная.

Я в Лас-Крусесе. Прочесываю каждый божий притон. А через пару дней меня вызывает Датч. Я тут же оказываюсь рядом, но на этот раз она спит и даже не знает, что сделала. Наверное, она вообще не догадывается, что сама меня зовет.

И вдруг что-то происходит. Что-то волнующее и совершенно новое. Датч втягивает меня в свой сон. Поначалу ощущения странные. Полнейшая дезориентация. Все равно что идти по желе сквозь туман. Но потом завеса отодвигается, и я вижу Датч.

Даже во сне она лежит в постели. Одеяло сбилось и запуталось вокруг щиколоток. На лице – прядь волос. Голова запрокинута. Спина дугой. В кулаках она так крепко сжимает простыню, что побелели суставы.

Я подхожу ближе. Смахиваю с ее лица волосы.

Датч вздрогивает, когда я к ней прикасаюсь, и между нами искрит ток. Сны бывают разными, но этот просто убийственный. На пышной груди натянулась футболка, ниже которой – голая кожа и крошечный треугольник темных волос. Датч снова выгибается, а я еще раз смотрю на футболку. На ней написано «Перед употреблением обертуку снять».

Чувствую, как губы растягиваются в довольной улыбке. Именно это я и собираюсь сделать. Осторожно сажусь на кровать, зная только одно: спешка в мои планы не входит. Я хочу узнать каждый сантиметр ее тела, запомнить каждый изгиб. Но это мир Датч. И правит в нем она.

Не успеваю и бровью повести, как я уже прижат к стене в нескольких метрах от кровати. Датч держит меня за горло. Мы поменялись ролями. Из-под полуоткрытых век опасно мерцают золотистые глаза. Единственное, что я могу, – это молиться о том, чтобы она хотела съесть меня живьем.

Датч прижимается ко мне. Сначала двигается медленно, а потом так быстро, что я едва могу рассмотреть. Она кусает меня за плечо, царапает по ребрам. От чувственной боли из моей груди вырывается низкий стон, и Датч останавливается. Сматривает в упор, как смотрит животное на добычу. Она больше не Шарлотта Дэвидсон. Она – зверь из другого

мира.

Я зачарован. Как под гипнозом. Но этого недостаточно, чтобы подчинить меня и позволить Датч взять верх.

Я меняюсь с ней местами. Впечатываю в стену, сжимаю горло и впиваюсь ей в губы.

На этот раз стонет она. Дерется, кусается и царапается, а я рывком укладываю Датч на пол и держу ее руки у нее над головой. Провожу языком по животу и ощущаю солоноватый привкус кожи. Покусываю соски, торчащие под футболкой. Она запрокидывает голову, извивается в моих руках, трется о готовый взорваться член.

Я почти не верю, что это происходит на самом деле. Здесь и сейчас, после всего, через что мы прошли. Все кажется ненастоящим, но завораживает и обезоруживает.

Внутри меня что-то сдвигается, но я не обращаю внимания и крепко беру Датч за бедра. Я ждал целую вечность, и наконец воплощается моя мечта. Для меня – в буквальном смысле. Больше всего на свете мне не хочется, чтобы эта ночь заканчивалась. Я делаю глубокий вдох, а потом срываю с Датч футболку и накрываю ладонями податливую грудь. По очереди пробую на вкус соски, тяну губами, сжимаю между зубов. С губ Датч срывается очередной стон.

Ей этого мало. Она хочет всего и сразу. Просовывает руку вниз и гладит член. Приливают кровь и пульсирует по всей длине. Внезапно Датч переворачивается, встает на колени и опускает голову.

Я успеваю схватить ее за волосы, но отвлекаюсь на высоко поднятую голую задницу и глядящие прямо на меня золотистые глаза и оказываюсь на всю длину в горячем мокром тепле ее рта. Жар, копившийся у меня в животе и в основании члена, достигает критической массы. Я чуть не кончу.

Хватаю Датч за голову. Заставляю двигаться медленнее. Но даже так все происходит слишком быстро. А значит, слишком рискованно. Поэтому я поднимаю ее с пола и прижимаю к стене, только на этот раз – к себе спиной. Это должно ее охладить. Прижимаюсь к ней всем телом, и она опять начинает бушевать. Дерется, толкается, рычит. Я почти теряю голову от возбуждения, но вдруг понимаю, что это не все. Датч пробирается мне в мысли. Сносит слой за слоем. Ослабляет мою защиту. Вышибает ворота, ведущие в самую душу. Я должен вернуть все на физический уровень. Туда, где мне все знакомо.

- Датч, - шепчу я ей в ухо, и она тут же замирает, - сейчас я тебя оттрахаю.

Она откидывает голову мне на плечо, хмурится, заглядывает в глаза и спрашивает:

- Где тебя носило?

Понятия не имею, с кем она говорит. Точно не со мной, потому что никак не может знать, кто я такой.

- Тебя ждал.

На ее губах играет ласковая улыбка, которая пробивает всякую броню, и мне приходится бороться за собственный разум. Я целую Датч, просовываю руку между стеной и ее животом и опускаю ниже, между ног. У нее такая нежная кожа, что я уверен: ненастоящая.

Датч резко втягивает воздух, и мне обдает холодом зубы.

Я раздвигаю коленом ей ноги, пальцами раскрываю нежные складки и языком исследую ее рот. Датч выгибает спину, и я понимаю, что мое терпение на исходе. Еще шире раздвигаю ей ноги и рывком оказываюсь внутри. Она громко вздыхает, царапает ногтями стену, извивается с каждым моим движением. Не останавливаясь, одной рукой я крепко прижимаю Датч к себе, чтобы хоть как-то ее усмирить.

Она издает едва слышные отчаянные стоны, и я ощущаю, как у нее в животе нарастает напряжение, взрезая плоть и сжигая кости. Двигаюсь быстрее и сильнее, с каждым ударом подводя ее все ближе к краю пропасти. Одновременно приходится бороться с собственным подступающим оргазмом. Я стискиваю зубы, пытаюсь восстановить разрушенную защиту, склеить раздробленные щиты. Меня укрывает светом Датч, и я изо всех сил стараюсь его отштанивать. Кусаюсь, борюсь, горю в огне.

- Я хочу, чтобы ты кончила, - цежу я сквозь зубы.

И в тот же миг вокруг члена сжимаются гладкие мышцы. Напряжение внутри Датч становится болезненным, растет еще больше, еще выше, пока наконец не взрывается восхитительными горько-сладкими искрами.

До меня доходит, что этот взрыв создала не одна Датч. Я тоже кончаю. После невероятной вспышки несколько долгих секунд внутри меня все пульсирует. С каждым приливом крови мое сопротивление подавляется все сильнее, трещины в защитных баррикадах становятся все шире. И вдруг сквозь эту паутину трещин начинает просачиваться свет Датч. Напряжение нарастает заново, и вместе со следующим ослепительным взрывом она сносящей все на своем пути волной проливается в меня.

Я тону в ее свете.

Дрожу с ног до головы так сильно, что больше не могу держаться на ногах, и мы падаем на пол. С губ Датч срывается тихий вздох. Вспомнит ли она обо всем этом утром? Вспомнит ли меня? Поймет ли, что натворила?

Глава 23

Эти сны продолжаются больше месяца. В каждом раскрывается новая сторона характера Датч. То она дикая и непредсказуемая, то смешливая и застенчивая. Смеется и рычит, целует и кусает. Доводит меня до оргазма, а потом, в самый нужный момент, отступает. Упивается моими муками.

Поиски не приносят плодов, и с каждым днем я злюсь все сильнее и сильнее. Зато знаю, что меня ждет ночью. Точнее кто меня ждет.

Где-то глубоко-глубоко в душе мне любопытно, почему это происходит именно сейчас. Раньше Датч никогда не затягивала меня в свои сны. Мы никогда и близко не подходили к сексу. Хотя, в целом, мне плевать. Я просто наслаждаюсь тем, что есть. Однако упрямство, живущее во мне, хочет большего. Хочет живую Датч, из плоти и крови. Хочет ее руки, губы, хочет видеть ее подо мной. Хочет всю Датч целиком, до последней капли. И тело, и душу. Что ж, упрямству придется смириться. Датч мне не заполучить. А даже если бы до этого дошло, то, узнав обо мне правду, узнав о моих грязных секретах, она сбежала бы в ту же секунду.

Поэтому я радуюсь тому, что есть. Сmakую минуты нашей близости.

Когда не прочесываю подворотни всех городов в штате, я присматриваю за своей девочкой. Она работает над очередным делом с Ангелом, мертвым пацаном, которого когда-то подобрала на улице, и Куки, помощницей и лучшей подругой. Дело опасное. Трех адвокатов уже убили, поэтому несколько дней я постоянно рядом.

Кроме того, Датч занимается еще одним делом. Моим. Начинает складывать картинку. Подозревает, что мужчина, которого она затачивает в свои сны каждую ночь, и фигура в плаще, следовавшая за ней попятам с самого рождения, один и тот же человек. И все же ко мне ее это не приведет.

Я направляюсь в больницу для хроников, куда меня положили. Что-то происходит. Смотрю, как врачи разговаривают с начальником тюрьмы. Нил Госсет тоже здесь. Он расстроен. Хочет потянуть время.

У меня нет родственников. Некому подать в суд прошение о том, чтобы меня продолжали держать на аппарате искусственного жизнеобеспечения, поэтому через несколько дней аппарат отключат. Врачи говорят, надежды на выздоровление нет. Мой мозг мертв.

Понять их можно. Видимо, я перестарался, разыгрывая кому. Итак, у меня есть три дня до того, как вилку выдернут из розетки. Три дня, чтобы придумать, как прикинуться мертвым и при этом не оказаться погребенным заживо или даже кремированным.

Может быть, стоит попросить Амадора выкрасть мое тело. Вряд ли это так уж сложно. Вот только Амадор не знает правды. У меня не было времени его предупредить. А в

нематериальном виде я ничего не смогу ему объяснить. То есть, конечно, смогу, но Амадор не видит мир сверхъестественного, поэтому толку не будет. К тому же, когда он приезжал в больницу, медсестра ни на шаг от него не отходила, и я просто-напросто не мог взять и волшебным образом очнуться. Потому что еще не все успел.

Я как раз собираюсь проверить очередную зацепку, когда меня притягивает к Датч. На этот раз она не спит, а принимает душ. Я стою у нее за спиной в чем мать родила. Повсюду пар. Делаю шаг вперед, прижимаюсь к Датч, провожу руками вверх по ее ногам и останавливаюсь на бедрах.

Она тихо вздыхает. К члену мигом приливает кровь. Я крепче прижимаю Датч к себе, и она, заведя назад руку, проводит пальцами по моей заднице. Датч скользкая и горячая. Больше всего на свете мне хочется раствориться внутри нее. Попросить для меня не проблема, но, кажется, мы с Датч думаем об одном и том же. Она просовывает между нами руку, проводит ладонью по моему животу и обхватывает член. Я сквозь зубы резко втягишаю воздух и чуть не кончу. Еще рано. Слишком рано.

Обеими руками прижимаю Датч к себе, чтобы лишить ее возможности шевелиться. Чтобы она перестала двигать рукой. Справившись с реакцией собственного тела, я наклоняюсь, провожу губами по уху Датч и шепчу ее имя.

На долю секунды она замирает, а потом открывает глаза и разворачивается ко мне лицом. Но меня уже нет. Как последний кретин, я испортил волшебный момент.

Через несколько секунд я возвращаюсь в ванную, чтобы убедиться, что с Датч все в порядке. Она потрясена. Отодвигает занавеску и прячет под полотенцем восхитительное тело. Я давно научился скрываться. В нематериальном виде меня может заметить всего горстка людей, но теперь я умею прятаться и от них. Даже от Датч, если нужно. Хотя, похоже, она как-то чувствует, когда я рядом.

Чтобы не расстраивать ее, я оставляю послание. Пишу на запотевшем зеркале «ДАТЧ» и ухожу. Приглядываю за ней. Не шпионю и не надоедаю, пока она сама меня не зовет, но остаюсь поблизости.

Новая зацепка, как и все остальные, приводит в тупик. Я словно гонюсь за тем, чего нет. Начинаю думать, что ошибся.

Вдруг слышу стук ботинок вокруг моего физического тела и одним прыжком возвращаюсь в больницу. Датч разговаривает с О'Коннелом, которого приставили ко мне в качестве охраны. Она здесь. Во плоти. Как, черт возьми, она меня нашла? Как узнала, кто я такой?

Совершенно оффонарев, я возвращаюсь в тело. Оно жмет. Похоже, меня недокармливают. Я чувствую, как Датч смотрит на меня, и возникает ощущение, будто жюри присяжных ушло на обсуждение и теперь моя судьба решается голосованием.

Узнаёт ли меня Датч? Нравится ли ей то, что она видит?

Она подходит ближе. Ее тепло и красота опьяняют. Я чувствую, как в ней растет любопытство и вспыхивает желание. Бедром она задевает мою руку, а потом проводит пальцами мне по плечу.

- Рейес Фэрроу, - начинает Датч срывающимся от волнения голосом, - прошу тебя, проснись. Если ты не очнешься, тебя отключат от аппарата. Понимаешь? Ты меня слышишь? У нас осталось всего три дня.

Она наклоняется ближе, и я чувствую запах кокосового шампуня и едва заметный шлейф духов. А под всем этим – аромат истинной женственности. Мысленно выругавшись, я пытаюсь побороть разгулявшуюся под простыней кровь. Твою мать! У меня встает от одного ее запаха.

А потом все становится еще хуже – я почти теряю способность управлять собственным членом. Датч опускает голову и целует меня. Ее губы мягкие и теплые. Между нами молнией проносится ток, и в мыслях возникают образы. Понятия не имею, в чьей они голове – в моей или в ее. В этих образах – весь последний месяц, все наши ночи. Невообразимое наслаждение. Ощущение нереальности происходящего.

Внезапно я вспоминаю ту далекую ночь, когда меня избил Эрл. На долю секунды я потерял сознание, а когда пришел в себя, заметил Датч и разозлился. Взбесился от того, что кто-то видит правду, высвеченную яркими и резкими огнями.

А потом я вижу Датч совсем близко. Вижу ее золотистые глаза, мягкий изгиб губ. Я поражен, что она настоящая.

Датч вот-вот потеряет сознание. Но я никак не могу ей помочь, не выдав себя. Я чувствую, как слабеют ее руки и ноги, как открывается ее разум. Меня поглощает свет. Впитывается внутрь. Озаряет каждый темный уголок моей души. И внезапно одним мощным ярким потоком ко мне возвращается память. Я вспоминаю абсолютно все.

С первой встречи. Я вижу искристый свет в бесконечном черном полотне вселенной. Сколько веков прошло с тех пор? Сколько я ее ждал? Она оборачивается, улыбается мне, и я забываю обо всем на свете.

Отрекаюсь от возложенной на меня миссии. Я должен был увидеть, как она рождается на земле человеком. Должен был убить этот драгоценный сосуд и пленить ее душу, ее свет – прямой путь на небеса, ни с чем не сравнимую силу, которой обладают такие, как она.

Я должен был завернуть ее душу в подарочную обертку и положить к ногам отца. Не того вонючего отбrosa, который притворялся моим отцом, а настоящего. Того, кто послал меня уничтожить сосуд и преподнести ему свет для его же темных дел.

Но вместо этого я выжидаю. Составляю план. Нахожу семью и отрекаюсь от всего – от воспоминаний, от самого себя. Чтобы тоже родиться человеком на земле. Чтобы вырасти рядом с ней и в конце концов встретиться.

Мы должны были вместе ходить в школу, стать влюбленной парой в старших классах и жить долго и счастливо.

Судя по всему, отцу не понравилось, что я внес в план изменения, и он решил мне насолить – вплел в придуманную мной судьбу Эрла Уокера. Вот что значит иметь в отцах врага номер один всего человечества. Это многое объясняет. Но я не такой, как он. Я не похож на своего отца. Я – не зло.

Что ж, если отец, Сатана, хочет войны, он ее получит. Зря он меня создал. Зря выковал в адском пламени настолько отвратительное, презренное чудовище.

Датч падает на пол, и О'Коннел помогает ей сесть на стул. Последних образов она не видела, поэтому не знает, кто я такой, и я не собираюсь ее просвещать.

Мысленно улыбаюсь. Датч становится классным детективом. И хочет, чтобы я очнулся.

Может быть, стоило бы так и сделать. Может быть, она могла бы помочь мне найти ответы.

Я так и не понял, как сдох Эрл, кто этому поспособствовал, и как кому-то удалось подставить меня без сучка, без задоринки. Я надеялся получить ответы от Сары. На суде она врала без зазрения совести. Говорила, что Эрл меня боялся. Что они оба меня боялись. Опасались за свою жизнь. Зачем ей такое говорить, если только Эрл ее не надоумил? А если и так, то зачем это ему самому? И к чему Саре слушаться его после того, как он сдох?

Ничего этого она не хотела. Я ощущал все эмоции, наполнявшие пропитанное алкоголем тело, пока Сара давала показания. Чего она точно не чувствовала, так это страха передо мной. Прошло столько лет, а она все еще меня хотела. Наверное, я должен испытывать благодарность за то, что Сара не проболталась о Ким. Теперь я знаю почему. Ким всегда ей нравилась. Сара не хотела, чтобы сестру вмешивали во все это дерзмо, и в некотором смысле подарила Ким свободу.

Через несколько месяцев после вынесения приговора я ходил к Саре. Нематериально, само собой. И выяснил, что ее убили при ограблении у нее же дома. Тогда-то у меня и начало зудеть в голове.

Но последней каплей стали открытки. Запах дешевого одеколона и дурацкая сентиментальная чушь на одной из них.

Эрл Уокер жив, и я найду его во что бы то ни стало.

Перевод не преследует коммерческих целей и является рекламой бумажных и электронных изданий. Любое коммерческое использование данного перевода запрещено. Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.